

Соль земли советской назвал нашу интеллигенцию товарищ Сталин. Эти слова показывают, какое большое значение придает партия большевиков и ее великий вождь роли людей умственного труда в условиях советского строя — самого передового и прогрессивного общественного строя в истории человечества.

В грандиозной созидательной и преобразовательной деятельности нашего народа — немалая доля творческого труда советской интеллигенции.

По мере нашего приближения к коммунизму роль интеллигенции все больше возрастает. Перед ней открываются новые грандиозные перспективы, необходимые творческие горизонты.

Неуклонный рост рядов нашей интеллигенции является подтверждением экономического подъема и культурного расцвета нашей страны, уверенно плущей по пути к коммунизму. Огромная армия советских интеллигентов, насчитывающая свыше 13 миллионов человек, непрерывно растет за счет наиболее идейных, даровитых и квалифицированных людей из народа.

Коммунистическое строительство вызывает к жизни непрерывный рост интеллигенции. Этот замечательный процесс определен самой природой нашего социалистического строя, обуславливающего непрерывный подъем культуры и образованности народа.

Но дело не только в количественном росте людей умственного труда в нашей стране. Главное то, что по самой своей сути, по качеству своему это новая, невиданная в истории, истинно народная интеллигенция. Большая ее часть выросла и сформировалась уже в послевоенный период.

Не только в городах, но и в деревне выросли многочисленные кадры работников умственного труда. Во всех республиках страны повсюду своя национальная интеллигенция.

Среди советской интеллигенции есть такие отряды, которых не знает и не может знать капиталистический мир. Руководители колхозов, бригады, новаторы социалистической индустрии, поднявшиеся до уровня инженеров, — тысячи новых работников культуры рождены великими социально-экономическими сдвигами и культурной революцией в нашей стране.

Культурная революция преобразила духовный облик многомиллионных масс, приобщила их к науке, принесла светознаний во все уголки необъятной нашей страны. И не только советского населения, даже самого отсталого, в котором не было бы молодая порода советской интеллигенции. Если в горное захарское село Вилки нынешним летом приехало на каникулы 200 молодых студентов — жителей этого села, а в колхозе глухой украинской деревне Петровка почти треть колхозников получила высшее или среднее образование, то не ясно ли, что за такими будничными фактами кроются истинно глубокие процессы неслыханного роста кадров интеллигенции.

Каков великое счастье выпало нам, советским интеллигентам, работать, творить, созидать в стране, освещенной гением Ленина и Сталина, в стране, где так возно и свободно дышится и поэту, и инженеру, и ученому, и артисту, с радостью отдающим народу свои таланты и знания.

Большевистская партия, советское правительство говорят мастерам техники и культуры: — Стройте и создайте; чтобы советскому человеку жилось все лучше, удобнее, краше; работайте так, чтобы воздвигнутые вами дома, сотворенные вами дома отвечали растущим запросам советских людей — строителей коммунизма, непрерывно обогащая великую сокровищницу всемирных материальных и духовных ценностей!

Партия учит, что в условиях перехода к социализму к коммунизму идейные, духовные богатства столь же важны для народа, как и богатства материальные. Коммунизм — это изобилие и материальных благ, и духовной культуры. Коммунистическое воспитание масс — вот важнейшее условие достижения такого изобилия. Лишь на основе коммунистического воспитания народа можно преодолеть противоречие между утвердившимся в нашей стране передовым социалистическим бытием и отставанием сознания части наших граждан.

Вытравляя пережитки капитализма в собственном сознании, все глубже овладевая марксистско-ленинской наукой, советские интеллигенты должны выполнять свой почетнейший и благороднейший долг — активно помогать партии Ленина — Сталина воспитывать нашу молодежь и весь народ в коммунистическом духе.

Чувство величайшей ответственности перед народом должно пронизывать деятельность каждого работника умственного труда. Это относится и к писателям — важнейшему отряду работников социалистической культуры.

Как никогда, высоки требования советских читателей к идейному содержанию и художественному качеству литературных произведений. Творческий подъем нашей литературы, однако, невозможен без широкого развертывания в писательской среде критики и самокритики, без решительной борьбы за высокое художественное мастерство. Всевозможные скандалы, полемизация и требовательная критика приятельскими пожеланиями, амнистия художественно неопознанных произведений — все это мешает росту нашей литературы и должно быть искоренено до конца!

Нет такого участка нашей грандиозной стройки, где не ощущалась бы творческая деятельность советских интеллигентов. Но нельзя закрывать глаза и на то, что есть еще учебные и научные учреждения, оторванные от жизни, от практики, не оказывающие действительной помощи народному хозяйству. Разве можно, например, терпеть отставание такого важного для нужд социалистического строительства научного учреждения, как Институт экономики Академии наук СССР! Разве можно мириться с тем, что Всесоюзный институт юридических наук работает вдалеке от действительности, выпускает идею порочную продукцию! Разве допустимо, чтобы в условиях исполненной работы, творческой в стране по преобразованию природы и поумелого колхозного земледелия. Почтенный институт Академии наук СССР оторганчивался от практики и напрасно растрачивал силы на схоластические «исследования» и псевдонаучные изыскания.

Работа каждого научного института, каждого работника умственного труда должна оцениваться только по тому, насколько помогает он развитию передовой советской науки и культуры, насколько полезно его творчество нашему народу.

В то время как страна социализма достигла грандиозных успехов в культурном строительстве, в мире капитализма углубляется кризис культуры, парит полнейший духовный маразм. «Буржуазия», — писали Маркс и Энгельс в «Манифесте Коммунистической партии», — лишена священного ордена ней работы деятельности, которые до тех пор считались почетными и на которые смотрели с благоговейным трепетом. Врача, юриста, священника, поэта, человека науки она превращала в своих платных наемных работников».

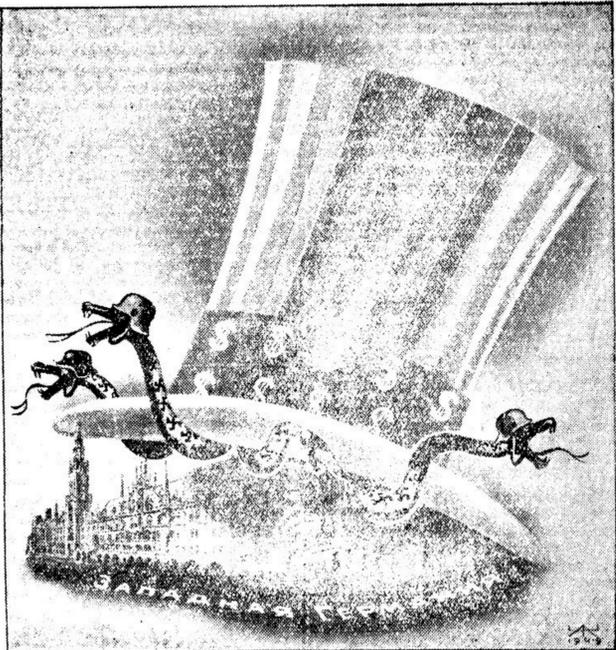
И если это было справедливо более ста лет назад, то в наше время, в эпоху загнивающего капитализма, ставшего преградой на пути экономического и культурного прогресса человечества, положение интеллигенции на Западе стало еще более рабским и униженным. Платный наемный слуга монополистических корпораций — вот какое постыдное место уготовило империализм буржуазному интеллигенту. Непользуя ученых в целях подготовки новой мировой войны, монополистическая реакция обрушивает жестокие репрессии на прогрессивные настроения интеллигентов, выступающих в защиту мира и демократии. Какова цена «цивилизации», при которой такие талантливые писатели, как Говард Фаст, подвергались травле и преследованиям, а такие выдающиеся поэты-патриоты, как Луи Арагон, в родной стране лишаются прав гражданства!

Советская интеллигенция, приниженная глубоким патриотизмом, горда своей почетной и ответственной миссией в строительстве коммунистического общества. Перед ней поставлены Родной поистине огромные задачи. Она должна двигать вперед технический прогресс, совершенствовать научную мысль, обогащать отечественную науку новыми открытиями и изобретениями, создавать произведения, достойные великой сталинской эпохи.

Свое высокое назначение наша интеллигенция видит в том, чтобы полностью оправдать доверие партии Ленина — Сталина и своим беззаветным патриотическим трудом приблизить светлый час торжества коммунизма в нашей стране.

В западных зонах Германии все более наглоют угнетенцы, которых активно поддерживают англо-американские власти. Все учащаются случаи выдворения фиништов на руковолящие посты. Недавно «парламент» кабала Хейса президентом марксистского западногерманского государства». Хейс известен как сторонник гитлеровского режима.

Фотомонтаж А. ЖИТОМИРСКОГО.

АМЕРИКАНСКИЙ ИНКУБАТОР.

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

ОРГАН ПРАВЛЕНИЯ СОЮЗА СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ СССР

№ 75 (2562)

Суббота, 17 сентября 1949 г.

Цена 40 коп.

Преступление лакеев Уолл-стрита

Ублюдочное, пасквильное прогнившее и из-за прожорливого французского правительства совершено новое чудовищное преступление.

Валентин КАТАЕВ

Луи Арагон лишен гражданских прав. Что означает лишение гражданских прав? Это означает запрещение не только быть избранным в парламент и на любой государственный или общественный пост, но и запрещение участвовать в выборах, подавать свой голос.

Таким образом, один из виднейших писателей современной Франции, выдающийся прогрессивный деятель и боец за мир, бесстрашный боец движения Сопротивления, верный сын своей родины, насильственно обрывается на политическую бездеятельность!

Мы прекрасно понимаем, по чьей указке действовали жалкие современные правители Франции. Они действовали, как и всегда, по директиве из Вашингтона.

План Маршалла лишил Францию экономической независимости и низвел некогда великую страну до положения бесцельного лимитрофа. По тому же плану Маршалла во Франции должна быть начисто ликвидирована светлая человеческая мысль, искоренен патриотизм, подавлена воля к свободе и независимости.

Луи Арагон принадлежит к числу честных, свободомыслящих французов, которые никогда не станут рабами и никогда не откажутся от великих демократических традиций революционной Франции.

По это еще не все. Основное состоит в том, что Луи Арагон принадлежит к числу наиболее активных участников всемирного движения за мир, против поджигательства новой войны. Он связан с этим движением идейно и организационно, как писатель-боец и как член постоянного комитета Всемирного конгресса сторонников мира. Со страниц популярной в самых широких кругах Франции газеты «Се

суар», директором которой он является, также звучит его гневный и громкий голос, разоблачающий кровавые планы агрессоров, которые мечтают вслух о том, как они нахнут на весь мир узлу своего господства.

Правильный и ясный голос Арагона, голос честного французского писателя и патриота, страстно поджигателя войны, пускает вдохновителей и создателей плана Маршалла.

Им страшен и ненавистен Арагон, ибо у него хватает мужества и решимости в современной обстановке объявить во всеулыбание:

«Как человек и как писатель, я участвую в конгрессе сторонников мира для того, чтобы показать, что я не являюсь соучастником поджигателей войны, даже тех, которых представляет мое правительство. Для меня это вопрос чести и не только личной чести. Это вопрос национальной гордости. Я не забыл, что немские интеллигенты молчали в то время, когда Гитлер поставил под угрозу мир и уничтожил его».

«Мы сумеем сплотиться и понять друг друга. Мы сумеем выиграть сражение за мир, т. е. сражение за жизнь».

Это благородные мысли. Чем более они благородны, тем менее они нравятся американской партии Франции.

Американская партия затыкает рот Луи Арагону. И происходит это преступление в то самое время, когда идет массовое освобождение из тюрем виднейших влиятельных главнейших, когда из сорока главных преступников, осужденных в свое время верховным судом Франции, значительное большинство уже помиловано

либо отпущено на свободу под тем или иным благовидным предлогом, не предусмотренным, конечно, законодательством. Теперь многие из наиболее злостных фашистских негодней, предателей своей родины и своего народа, обладають полностью гражданскими правами.

Вплескам возмущают гражданские права Арагона их лишают!

Картина совершенно ясна. Арагон недавно написал роман «Боммуны». Можно не сомневаться в том, что тот, кто написал бы роман «Фашисты» или «Винисты» (разумеется, в угодном г. Мому духе), и не подумали бы лишать гражданских прав. Наоборот, американские лакеи, управляющие Францией, поощряют фашистскую литературу.

Да, Арагона лишают прав в то время, как де Голль публично выступил с требованием предоставить Петэну «дерево и лужайку», что в переводе на простой язык означает замену и без того комфортабельного «заточения» в Форте на острове д'Не фактически свободным проживанием в вилле на Ривьере, да еще за счет государства. А главное: Петэн нужен, как знамя для обнаглевшей реакции!

Это ли не чудовищное преступление!

Как бы ни бесновались американско-французские жангары, — народ попрорекшему будет сыграть Луи Арагона полноправным гражданином Франции и попрорекшему будет считать поэта в рядах преданных и отважных защитников национальной достоинства и свободы Франции.

Наемникам Вашингтона не удастся повернуть колесо истории вспять и остановить солнце. Это им не под силу. Правда, они пока еще в состоянии предоставить престарелой гниле Петэну и изе с ним «дерево и лужайку». Но я думаю, что это дерево в конце концов превратится в осину для поджигателя войны.

Накануне столетия со дня рождения И. П. Павлова

ЛАБОРАТОРИЯ ПАВЛОВСКОЙ МЫСЛИ

Проф. В. СТРОГАНОВ

Вышли в свет два тома «Павловских сред» — два обьёмистых сборника протоколов и стенограмм физиологических бесед И. П. Павлова. Впервые перед нашей научной общественностью предстает лаборатория творчества великого естествоиспытателя и обнародуются его сокровенные замыслы.

Автору этих строк выпало счастье быть в течение десяти лет постоянным участником «Павловских сред».

Самобитная речь и своеобразное течение мысли Ивана Петровича, запечатленные в громадном материале протоколов и стенографических записей, возрождаются в памяти живой образ «первого физиолога мира», его одухотворенное непрестанным исканием истины лицо, живые цепи его «мыслей вслух», сопровождающиеся богатой жестикულიей.

Вспоминаются трудности, вставшие перед исследовательской деятельностью Павлова в годы гражданской войны и разрухи, не славившие, однако, его веры в родную страну и народ. И вот — весна 1921 года. После замечательного ленинского декрета о павловской лаборатории развертывается с новой силой исследовательская деятельность великого ученого. Он полон энергии и творческих замыслов.

Со свойственной ему аккуратностью Иван Петрович регулярно по средам и пятницам появлялся между 10 и 12 часами дня в своей пока еще маленькой физиологической лаборатории, состоявшей из нескольких комнат, помещавшихся в первом этаже главного здания Российской академии наук.

Устроившись за чьим-нибудь экспериментальным столом и наблюдая за течением опыта, он рассказывает своим немногочисленным тогда сотрудникам об экспериментальных новостях за истекшую неделю, делится впечатлениями, выслушивает сообщения о новых данных, сопоставляет наблюдения и факты, руководит обсуждением. Так зарождалась тогда традиция «Павловских сред». Встречи и беседы со своими сотрудниками стали необходимым звеном в научной деятельности И. П. Павлова, который никогда не был кабинетным ученым-одиночкой. Энергичный организатор и глава своей школы, он выработал особый, «павловский» стиль научного творчества — «коллективное думание» вслух.

Современем, когда лаборатория Павлова превратилась в хорошо оборудованный Физиологический институт АН СССР, когда у него появилось много кругов лабораторий и клиник, круг людей, участвующих в этих беседах, расширился. В «средах» стали участвовать все его сотрудники.

Протоколы и стенограммы «сред», издаваемые в трех томах, отражают творческие стремления и замыслы И. П. Павлова. Они служат важным дополнением к «Полному собранию» его трудов и дают исключительно ценный материал для изучения самого процесса научного творчества великого естествоиспытателя.

Изучая «среду» за «средой», видишь, как зарождался, как постепенно, находил подтверждение в экспериментальных фак-

тах, развивалась пытливая павловская мысль, проникающая в еще не познанные научной областью — высшую нервную деятельность человека, основу его психической жизни, его сознания. Правда, путь ее не всегда был прямым, не раз возникали противоречивые факты, которые приходилось преодолевать. И это гениальное умение не отступать перед неожиданными препятствиями, этот внутренний процесс развития идей от зарождения до становления отлично фиксируется в записях «сред».

Трудно перечислять те важнейшие физиологические проблемы, которые привлекли внимание И. П. Павлова и стали объектом его тонкого анализа во время «коллективного думания». Диапазон их огромный, и все же центральным среди них является «прояклятый» (по выражению Павлова) вопрос о взаимоотношениях раздражительного и тормозного процессов, играющих важную роль в установлении закономерностей высшей нервной деятельности. Павлов приходит к выводу, что всякий нервный процесс есть непрерывная борьба двух противоположных состояний — раздражения и торможения. В «средах» раздражения и торможения. В «средах» раздражения и торможения. В «средах» раздражения и торможения.

На «средах» Павлов уделял большое внимание сопоставлению искусственно полученных в экспериментальных условиях болезненных нарушений и типичных нервных и психических заболеваний человека и находил в них подтверждения своей мысли

Открылась юбилейная сессия в Ленинграде

ЛЕНИНГРАД. 15 сентября открылась юбилейная научная сессия, посвященная 100-летию со дня рождения И. П. Павлова. Она организована Физиологическим институтом Академии наук СССР и Институтом эволюционной физиологии и патологии высшей нервной деятельности Академии медицинских наук СССР, носящими имя великого русского физиолога.

О разработке павловского научного наследия рассказал в своем докладе академик Л. Орбели. Доклады профессоров Ф. Майорова, Г. Гершуна, А. Чистовича, Б. Бирмана были посвящены ряду важнейших проблем исследования высшей нервной деятельности, в том числе вопросам применения павловского учения для лечения нервных заболеваний.

В день открытия сессии вышел в свет третий — заключительный том «Павловских сред». В нем опубликованы стенограммы и материалы за период с 1935 года по 19 февраля 1936 года. В томе публикуется гематический указатель вопросов, обсуждавшихся во время «Павловских сред». Он охватывает 14 разделов учения о высшей нервной деятельности.

об общности основных законов высшей нервной деятельности у животных и человека.

Именно на «средах» начал Павлов разработку своего учения о физиологических механизмах человеческой речи — учения о второй сигнальной системе, развившейся у человека в результате труда и общественного бытия. Много внимания уделял он на «средах» и возможности усвоения основными свойствами нервной системы, происходящих в коре мозга.

Разрабатывая в течение 35 лет свое последовательно-материалистическое учение о законах высшей нервной деятельности, Иван Петрович постоянно вел ожесточенную борьбу с идеализмом в науке о психике человека.

Победа в нашей стране материалистической марксистско-ленинской философии необычайно расширила возможности для развития учения Павлова. Однако свою идейную борьбу с пережитками идеалистических воззрений среди ученых своей страны и особенно с идеалистическими концепциями зарубежных ученых он продолжал с неослабевающей силой до последних дней жизни.

В его беседах нередко можно встретить резкую критику по адресу таких «ученых», как Шеррингтон, Дешли, Гесс, Жана, Келер, увозящих науку о человеческом психике в болото мистики. «У них, повидимому, имеется желание, чтобы их предмет оставался неразъясненным; вот какая странность! Их привлекает таинственность. От того, что можно объяснить со стороны физиологии, они отворачиваются», — с возмущением говорил он о психологах Нерксе и Келере.

Не раз Иван Петрович в своих беседах сетовал: «...до сих пор как-то физиология не принимает наш основной физиологический прием» (т. е. метод условных рефлексов). Конечно, тем, кто пытался и пытался прямо или завуалированно окружать все связанное с высшей нервной деятельностью человека пеленой таинственности, непознаваемости, материалистический метод объективного наблюдения, приходящий не по вкусу. Зато большинство честных ученых мира, ставших выше всего погостежения лестины, приняло метод Павлова и продолжает его дело.

В такой же степени приходилось Павлову преодолевать консервативность большинства невропатологов и психиатров. Разоблачая как-то истинные причины этого, он замечает: «...психиатры и невропатологи находят еще под влиянием дуалистического мировоззрения», — и обрушивается по их адресу гневной тирадой.

Так, перечитывая страничку за страничкой «Павловских сред», мы воскрепаем перед нашим взором живой образ И. П. Павлова — воинствующего материалиста, борца с рутинной и привычными догмами, беспощадно разоблачающего реакционную сущность идеалистических концепций буржуазной науки, ставшей в наши дни прибежищем мракобесия и реакции.

«Павловские сред» — не завершённый научный труд великого ученого, а материал его научного творчества, но в них — складируется научных фактов и идей, которые вдохновят и помогут нам раскрыть до конца законы высшей нервной деятельности человека.

К Декаде выходят новые книги таджикских писателей в переводах на русский язык. Гослитиздат выпустил книгу М. Турсунзода «Стихи об Индии»; издательство «Советский писатель» — книги М. Миршакара «Стихи и поэмы» и Лахути «Избранное».

Популярность советской литературы в Албании

Начинаясь 10 сентября в Албании месячник дружбы с Советским Союзом продлится до всех городов и сел страны в обстановке всенародного подъема и воодушевления. Дружественный албанский народ проявляет глубочайший интерес к советской культуре.

Албанский писатель Зухри Сало пишет в «Литературной газете»:

«Благодаря неустанной помощи Советского Союза, благодаря вниманию и заботе нашей партии и лично товарища Эльвера Ходжа в нашей стране проделана большая работа по развитию и распространению культуры. Ведущую роль в этой работе играет Общество албано-советской дружбы. Его еженедельный журнал «Албания—Советский Союз» широко знакомит своих читателей с культурой и жизнью народов великой страны победившего социализма. Оно широко пропагандирует в нашей стране советскую литературу. На албанский язык переведены и пользуются огромной популярностью среди читателей «Чапаяв», «Как закалялась сталь», «Пеночоринские», «Борьба за мир», «Волоколамское шоссе». Издав сборник рассказов советских писателей, переводы стихотворений Маяковского, Симонова, Твардовского, «Мать» Горького стала любимейшей книгой албанских читателей.

Искусство советских драматургов прочно вошло в репертуар албанских театров. Театральный сезон этого года во многих театрах открывается пьесой Анатолия Софронова «Московский характер».

Советская культура, широкий доступ к которой открыт албанскому народу благодаря установлению народно-товарищеской связи, играет ведущую роль в быстром расцвете науки, искусства и литературы, переживаемом нашей страной после ее освобождения от немецких захватчиков».

Сердце Шопена

ВАРШАВА. На мемориальной доске в часовне «Святой крест» в Варшаве, неподалеку от дома, в котором прожил детские годы Шопена, можно прочесть следующие слова: «17 октября 1945 года сердце Шопена возвращено Варшаве».

Как известно, Шопен, умерший 17 октября 1849 года в Париже, завещал похоронить свое сердце в Варшаве. Воля гениального сына польского народа была исполнена: урна с сердцем композитора была установлена в ише часовни. Но в годы оккупации Польша гитлеровские грабители похитили не только на материальные ценности, но и на священные реликвии польского народа. Обер-палат Франк пытался вывезти из Варшавы урну, в которой хранилось сердце Шопена. Польские патриоты узнали о чудовищном замысле гитлеровских диваров и спасли урну.

Об этом подвиге группы польских патриотов и говорит надпись, выбитая на мемориальной плите. Тогда, 17 октября 1945 года, в торжественной обстановке при участии президента Польской республики Болеслава Берута урна с сердцем великого композитора была вновь установлена в ише часовни.

Польский народ свято хранит память о великом сыне своем, чье творчество ныне становится достоянием миллионов простых людей Польши. В текущем году, названном народом монументальным, в связи с приближающимся столетием со дня кончины композитора бригады из лучших артистов и музыкантов дали большое количество пошопеновских концертов в деревнях, местечках, школах, клубах, народных домах, фабриках и заводах. Всего в течение года намечено провести свыше 5 тысяч таких выступлений. На родине композитора, в бывшем имении графа Скарбега «Жоляла-воля», состоялась конкурс на лучший польский народный хор.

15 сентября в Варшаве открылся 4-й международный конкурс имени Шопена. В конкурсе примет участие индустрия 16 стран. В составе жюри конкурса советские пианисты Павел Серебряков и Лев Оборин.

Товарищ министр!

Я обращаюсь к Вам с письмом по делу, которое имеет общественный интерес. Не только нам, работникам здравоохранения, но и всему нашему народу известно, что наша страна — страна передовой медицины, давняя миру подлинных новаторов — друзей человечества. На глазах всего мира блестяще развивалась наша медицина в годы советской власти. Передовой опыт советских медицинских работников — от крупнейших ученых с мировыми именами до рядовых врачей — в период Великой Отечественной войны получил всеобщее признание. Ныне десятки тысяч работников медицины во всех местах, от края до края нашей страны, применяют на практике достижения науки, и нет города или села на карте нашей Родины, где бы заслуженной любовью и доверием народа не пользовались подлинники мастера своего дела — врачи, люди высокого призвания.

После демобилизации из рядов Черноморского Флота я вернулась в Запорожье, в город, где жила до войны, и с радостью приступила к работе по своей специальности в качестве врача фтизиатра.

Наш город почти до основания был разрушен врагами во время оккупации. С момента освобождения его победоносной Советской Армией в октябре 1943 года сразу же началось восстановление нашей красивой — уютной, эстетической, здоровых заводов, разбитых жилых домов.

Демобилизованные из рядов Армии и Флота, возвратившиеся из эвакуации врачи, сестры, санитарки перенесли патристический энтузиазм военных лет в мирную жизнь и с большой страстью приступили к восстановлению уничтоженных гитлеровскими лечебных учреждений.

Трудности первого периода этой напряженной работы сейчас позади. Работают больницы, поликлиники, родильные дома, детские ясли, детские сады. Многие здания отремонтированы, некоторые выстроены заново.

Наша медицинская промышленность, созданная в годы довоенных сталинских пятилеток, получила дальнейшее развитие в годы войны и представляет сейчас мощную отрасль народного хозяйства. Давно прошли те времена, когда медикаменты и инструментарию привозились из-за границы, когда снабжение медикаментами было монополизировано иностранными фирмами, когда в Москве во время первой мировой войны работала «мастерская медикаментов» принца Ольденбургского, изготовлявшая только оциллоидные алкалоиды. У нас есть свои перекисные заводы, выпускающие инструментарию, медицинское оборудование и медикаменты. Всесоюзный химико-фармацевтический институт, находящийся в Москве, представляет мощное комплексное учреждение, равного которому по объему работы и оборудованию нет в мире.

Но мы, советские люди, никогда не останавливаемся на достигнутом! И поэтому да позволено будет мне предьявить сегодня ряд претензий к медицинской промышленности этой отрасли, что лечение больного подчас затрудняется у нас в больнице из-за отсутствия обыкновенных стеклянных штангалов с притертыми пробками. Я хочу сказать, что нет чашек Петри, кото-

рые так удобны и хороши для хранения стерильных пгг. Возникают иногда перебои в получении хлористого кальция как для внутривенных вливаний в амбулатории, так и для приема внутрь и т. д. Почему? Пеналиты!

Врачи одного из диспансеров в Запорожье в ответ на свое письмо в Министерство здравоохранения по поводу того, что им нужны некоторые препараты, получили следующий ответ:

«На Ваше письмо сообщаем: ... 3.Нами заказаны ГАНУ упомянутые Вами препараты, в ближайшее время можно ожидать их выпуска.

26/IV—49 г. № 19—21/56 Нач. отдела проф. Арутюнов».

Дело было в апреле, сейчас осень, — а препаратов до сих пор нет.

Нам трудно представить себе, что нет очищенного дегтя для мази. А, между тем, «вилькинсоновская мазь», «мазь Вишневского» и многие другие мази нашей аптеки не изготавливаются якобы из-за отсутствия очищенного дегтя.

Педиатры из запорожской детской консультации и детской больницы просят меня напомнить Вам об аскорбиновой кислоте, «каплях датского короля», пеницине, покладной клеенке для маленьких детей. Это мелочи, может быть, с точки зрения министерства. Но я хотела бы, чтобы Вы знали о стиле работы медицинской промышленности, пренебрегающей такими «мелочами».

В то время, когда на предприятиях всей страны развернулась борьба за отличное качество, борьба, приносящая большие и хорошие результаты, ряд предприятий медицинской промышленности игнорирует борьбу за качество.

Можно ли терпеть плохое качество так называемых «зажимов Кохера»? В нашем ларингологическом отделении долгое время искали аппарат для гальванокаустики. Наконец, два месяца назад его приобрели в нашем аптекоуправлении, но оказалось, что пользоваться им невозможно, так как аппарат продан без кувалты и без пинцера. И лежит этот дорого стоящий аппарат без употребления. Много месяцев работает хирургическое отделение запорожской больницы без хорошего автоклава. Старый постоянно выходит из строя, портится, ломается. Наконец, недавно был получен в хорошей упаковке долгожданный

автоклав, но когда его распаковали, то вместо автоклава оказалась... походная дезкамера. Как можно допустить такую неряшливость в работе? Работники мелочной промышленности, очевидно, забывают, что они снабжают медицинские учреждения.

Очень низки по своему качеству некоторые аппараты для измерения кровяного давления. Резиновые баллоны, накачивающие воздух в манжетку, очень скоро рвутся, и аппарат выходит из строя. Такие же недоброкачественные резиновые баллоны имеются и у сфигмоманометра. Сам сфигмоманометр сделан хорошо, но завязка для крепления манжетки на плече больного настолько коротка, что пользоваться ею невозможно, и приходится пускаться в дело булавки, иглы для закрепления манжетки при измерении кровяного давления.

Запорожские хирурги «скачуют» без хороших стеклянных хирургических шкафов для хранения инструментария, с грустью глядя на книжные и платяные шкафы, приспособленные для хранения хирургических инструментов. Трудно достать десяти- и двенадцатиграммовые пинцеры, иглы к шприцам. Получаемые шприцы низкого качества: поршни плохо притерты и пропускают жидкость.

Я живу в городе, где вырабатывается сталь самого высокого качества, и не могу поверить, что наша медицинская промышленность не может изготовить хорошие иглы разных размеров и разной толщины в таком количестве, которое полностью покрывало бы потребности. Невозможно представить себе, что изготовление оцинкованных для мазей представляет такую «проблему», которую нельзя разрешить.

Наша медицинская промышленность в настоящее время настолько шагнула вперед, что легко и свободно может полностью удовлетворить потребности всех лечебных учреждений в необходимых медикаментах, инструментарии и оборудовании. Никто не поверит, что работники нашей медицинской промышленности, успешно решая самые сложные вопросы, не могут обеспечить врачей всем необходимым в работе!

Не ясно ли, товарищ министр, что стоит серьезно заняться вопросами медицинской промышленности, как исчезнет жалобы, подобные тем, с которыми мне приходится обращаться к Вам сегодня. ЗАПОРОЖЬЕ.

От редакции

Статья писателя и врача Ольги Джигурды поднимает серьезный вопрос о работе мелочной промышленности и снабженческих организаций Министерства здравоохранения СССР.

У нас есть крупная, выросшая медицинская промышленность. Но только в центре страны, но и в союзных республиках, края и областях возникли новые заводы, вырабатывающие препараты и инструменты, необходимые больным, поликлиникам, лабораториям. В годы Великой Отечественной войны работники мелочной промышленности, отчаянно создавая свой патристический долг, славно потрудились, проявив творческую изобретательность, производя необходимое количество

медикаментов. В годы первой послевоенной пятилетки заводы мелочной промышленности из года в год, из месяца в месяц стремятся к наращиванию темпов.

Однако факты говорят о необходимости улучшения работы мелочной промышленности. Инженеры и техники заводов жалуются на отсутствие надлежащего руководства со стороны министерства и главы, такого руководства, которое помогло бы завоевать новые высоты техники изготовления медицинских инструментов.

«Письмо врача» должно вызвать у работников мелочной промышленности горячее стремление поскорее преодолеть все недостатки.

Л. НИКУЛИН

В Ленинград приехал старейший писатель П. Бажов. Школьники города тепло встретили замечательного уральского сказочника.

Неопубликованные произведения Ломоносова

На протяжении двух последних столетий сочинения М. В. Ломоносова издавались в нашей стране девять раз. Первые издания состояли из двух или трех томов; последнее, наиболее полное, потребовало восемь томов. Ныне Академия наук СССР предприняла издание полного собрания, которое будет состоять уже из 15 томов.

После смерти Ломоносова Екатерина II приказала, как известно, опечатать и издать весь его личный архив, что на длительное время лишило возможности начать публикацию его рукописей, продолжить начатые им работы.

После Великой Октябрьской социалистической революции советские ученые развернули широкую работу по выявлению, собиранию и научному описанию рукописного наследия великого русского ученого поэта. В Ленинградском академическом архиве хранятся сейчас пять ломоносовских трудов по астрономии, 65 — по физике и химии, 19 — по горному делу и минералогии, 46 — по русскому языку и краеведению, 5 — по русской истории и 810 различных деловых бумаг.

Незадолго до войны работники академии разыскали в Государственной публичной библиотеке имени М. Е. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде 18 неизвестных автографов Ломоносова. В одном из государственных архивов было найдено 45 документов, посвященных устройству и деятельности фабрики Ломоносова в Усть-Руднице. В Центральном государственном архиве древних актов за два последних года обнаружено еще около 200 документов, в большинстве своем ранее не известных.

Новое издание будет коренным образом отличаться от всех предшествующих. В него войдут сотни неопубликованных произведений Ломоносова, в том числе ряд незнакомых статей и заметок научного характера, автобиографические документы, переводы и разнообразные работы по астрономии, мореходному делу и географии, включая работы по изучению Севера, пятый — геологии, минералогии и металлургии, шестой — истории, этнографии и политической экономики, седьмой, восьмой, девятый — филологии, десятый и одиннадцатый — поэзии, двенадцатый, тринадцатый и четырнадцатый — деловым и служебным бумагам, пятнадцатый — биографические и автобиографические материалы и переписка Ломоносова. Отдельно намечено выпустить указатель ко всему изданию и библиографический справочник о Ломоносове. Издание будет иллюстрировано всеми признанными портретами ученого.

Слав в производстве первый том. Выпуск полного собрания издательство Академии наук СССР предлагает осуществить в течение пяти лет.

СВЕТЛЫЙ ТАЛАНТ

Н. РЫБАК

К 85-летию со дня рождения М. Коцюбинского

В украинской прозе до Михаила Михайловича Коцюбинского, пожалуй, не было такого мощного обличительного таланта, такой многогранной власти художника-реалиста, принесшего в литературу мастерство острого социального анализа. Реалистическое направление украинской прозы открыло именно в творчестве Михаила Коцюбинского.

Горький сердечно любил Коцюбинского. Их дружба давно стала символом братского единства русской и украинской литературы.

В своих воспоминаниях о Михаиле Коцюбинском Алексей Максимович пишет: «Он очень часто говорил о демократии, о народе, и всегда это было как-то особенно приятно слушать и поучительно». Верность демократии и беспримесная любовь к народу были непререкаемыми вехами на всем жизненном пути Михаила Коцюбинского. Неудивительно, что еще юншеством Коцюбинский был обвинен царским правительством в политической неблагонадежности и всю жизнь до последних дней оставался под «колейкой» жандармов.

Уже в своей первой повести «Андрей Солонейко» или ученые свет, а неученые тьма» Коцюбинский явственно подчеркивает протест беднейшего крестьянства против существовавшего строя.

Не случайно к этому своему произведению он поставил эпиграфом стихи Тараса Шевченко «За що не знаю називають хатину в гаї тихим раєм? Я в хаті мучився колись...». По это было лишь началом того, что мужественно и незабываемо выразил Коцюбинский в повестях и рассказах о 1905 году.

Начав свою деятельность как народник, М. Коцюбинский впоследствии отказался от иллюзий народничества. В суровой и прекрасной повести «Гата поганая» (1910) он показал подлинную жизнь современной ему украинской деревни. Повесть рассказывает о том, как, подобно жаждущим страданиям, томятся безземельные крестьяне Украины в тоске по земле, принадлежавшей им. Им все кажется, что долгожданный момент наступит наконец: «Из уст в уста, от хаты в хату, из деревни в деревню катилась радость: станут землю делить...»

Не дожидаясь желанного дедела, крестьяне, под руководством наиболее революционных молодых селян, работавших на фабриках в городах, отбрасывают помещику землю — ту самую землю, которая, как далекая мечта, только манила и не давала в руки, которая играла перед глазами, как маревы в зной...»

Счастье продолжалось недолго. В союзе мятежные деревни прибывают карательные отряды. В ужасе перед грулыми возмездием, не веря в свои силы, крестьяне, обманутые кулаками, своими

руками убивают вожаков, надеясь таким образом избежать наказания...

Но мятеж не проходит бесследно. Молодежь помнит дни короткой свободы и мечтает отомстить за кровавую расправу. Декаденты, подивившиеся в те времена в украинской литературе, пытались нарисовать какой-то сказочный рай, парадный в украинском селе, сентиментальным сиюминутным подменить показ суровой, бурной, тяжелой жизни. В рассказах и повестях Коцюбинского, как и в произведении его современников — Ивана Франка, Леси Украинки, Василя Стефаника, прозвучал голос жизненной правды, призыв к революционной борьбе.

Период революции 1905 года, пробуждение классового сознания широких народных масс способствовали укреплению и росту таланта Михаила Коцюбинского. Именно об этом времени созданы писателем произведения: «Гата поганая», «Лошадь не виновата», «Потарок на именинах». В эти годы он стал все больше и больше интересоваться марксистской литературой, знакомиться с генеральными произведениями Владимира Ильича Ленина.

Поражение революции этого года не породило неверия в душе писателя. Он не упал духом, ибо понимал, что нет таких сил, которые могли бы задушить свободу.

Письма, воспоминания и другие материалы свидетельствуют о том, как близко воспринял Коцюбинский революционные произведения Максима Горького, посвященные пятому году. Он понимал, что к новой жизни надо идти путем борьбы. Рассказ «Лошадь не виновата» разоблачил украинский национализм, утверждал, что украинский трудящийся и помещик и капиталист — это одно целое... От таких «народолюбцев» надо было оберегать народ. И Коцюбинский сделал это с необычайной страстностью и силой.

Наступил 1911 год... Произведения Коцюбинского были изданы по инициативе Максима Горького в издательстве «Знание» отдельным собранием сочинений. У писателя возникло много новых замыслов и планов, но тяжелая болезнь сердца, постоянные материальные лишения помешали ему осуществить их. В 1913 году М. Коцюбинский умер.

Прошли годы. Более трех десятилетий идет украинский народ по новому пути, о котором страстно и самозабвенно мечтал Михаил Коцюбинский. В селе Выхостове, где еще живы люди, послужившие прообразом героев повести «Гата поганая», климат та новая жизнь, ради которой они начали свою борьбу в 1905 году.

Советский народ хранит в сердце светлую память о выдающемся украинском писателе и безгранично любит его прекрасные книги. Книги Коцюбинского не отделяются от нашей жизни и борьбы.

ВЕЧЕРНИЕ УНИВЕРСИТЕТЫ

ЛЕНИНГРАД. (Наш корр.). Начался прием слушателей в вечерние университеты литературы и искусства, созданные пятью крупными городскими домами культуры — Выборгским, Лицевиков, работников промкооперации, а также домом культуры имени С. М. Кирова и А. М. Горького.

Вечерние университеты будут знакомить своих слушателей с решениями ЦК ВКП(б) по вопросам литературы и искусства, с историей русской классической и

советской литературы, русской музыки, русского и советского театра, изобразительных искусств. Учебный курс каждого факультета рассчитан на 120 часов, занятия будут происходить по вечерам один раз в неделю.

Интерес к вечерним университетам огромный. Выборгский дом культуры предполагал вначале принять 450 слушателей. Желавших же оказалось значительно больше, и количество слушателей в связи с этим придется увеличить.

Педагогическая аспирантура

В нынешнем году Академия наук СССР впервые создала педагогическую аспирантуру по философии, логике, политической экономии, истории, литературе и языку, географии, физике, математике и биологии. Это даст возможность преподавателям педагогических и учительских институтов страны повысить свою квалификацию в

стенах Академии под руководством крупных ученых Москвы и Ленинграда.

Прием молодых специалистов начнется. Количество заявлений превысило число вакантных мест. Одновременно начнется прием в кандидатскую аспирантуру филиалов и баз Академии.

ВETERАН РЕВОЛЮЦИОННОЙ ПОЭЗИИ

Исполнилось восемьдесят лет Сергею Александровичу Басову-Верхолянцеву — поэту-ветерану революционной литературы.

В годы своей молодости Сергей Александрович активно боролся с царским самодержавием. С. Басову-Верхолянцеву принадлежат ряд политических стихотворений и среди них произведение революционной литературы — политическая сказка «Конек-скакунок», являвшая широкое распространение в годы революции 1905 года. Поэт-сатирик Басов-Верхолянцев взял в качестве образца популярную русскую сказку Ершова и в стиле этой сказки создал

К 80-летию со дня рождения С. А. Басова-Верхолянцева

подлинно агитационное сатирическое произведение, остроумно и зло обличающее паразит. Сказка эта разошлась в те времена в тысячах списков, ее печатные и рукописные издания можно было увидеть на фабриках, в крестьянских избах, в казармах царских войск. Жандармы и охранники разыскивали сказку «Конек-ска-

кунок», жгли ее, уничтожали; те, у кого был обнаружен хотя бы один экземпляр сказки, рисовали тюрьму и ссылку, но эти драконовские меры только увеличивали популярность автора и самой сказки.

Ветеран революционной литературы С. А. Басов-Верхолянцев своей глубокой преданностью народу и партии Ленина-Сталина заслужил любовь и уважение товарищей по перу. В день его восьмидесятилетия пожелаем Сергею Александровичу здоровья и долгих лет жизни.

Л. НИКУЛИН

Стиль, отвечающий теме

У нас редко вспоминают об этом крестьянине.

Между тем он был человек замечательный: любитель живописи, поклонник искусства, собиратель картин, готовый из любви к красоте испытать какие угодно лишения.

Звал его Якимом Начим. П деревня, в которой он жил, носила такое же грустное название: Босово.

И, конечно, отнюдь не случайно, что именно этого представителя беднейшего трудового крестьянства, этого Якима Начим Некрасов назвал в своей поэме «Кому на Руси жить хорошо» таким горячим эстетическим чувством.

С ним случилась картиначок Он сыну купил, Развешал их по стеночкам И сам не меньше мальчишка Любил на них глядеть...

Глядел он просто, без всякой экспрессии: его наслаждение искусством было бесогласным и сдержанным. Но вскоре вся деревня убедилась, как самозабвенно любил он свою коллекцию картин:

Деревня загорелась — А было у Якимущих За целый век накоплено Целковых тридцать пять. Скорей бы взять картину, А он сперва картиночка Стад со стены срывать...

А тут изба и рухнула — Так оплошал Яким!

Деньги его сгинули, но картины он спас и даже прикупил себе новых.

Ой, брат Яким! не дешево Картины обогнись!

Таким образом, почти на первых же страницах своей народной поэмы Некрасов

Корней ЧУКОВСКИЙ

...наполнил жизнь борьбою За идеал добра и красоты...

Эти два слова были для него нераздельны.

Гармония добра и красоты была его всегдашней мечтой.

Но красота, как самоцель, была совершенно чужда творчеству Некрасова. Она всегда у него сопрягалась с «добротой». А словом «добро» чаще всего обозначалось народное счастье, завоеванное революционным путем. Красота стихов Некрасова всегда обусловлена из идейной направленностью. Обнажены в ялыу спора с ревнивателями так называемой «чистой поэзией» он напечатал два стиха, где обращался к каждому из тогдашних писателей с суровым призывом:

Служа не славе, не искусству, Для блага ближнего живи...

Но когда выяснилось, что эти стихи были поняты так, будто он рекомендует писателю пренебречь мастерством и оставить всякую заботу о форме, Некрасов через несколько месяцев, печатая эти строки снова, внес в них такую поправку:

Будь гражданином! Служа искусству, Для блага ближнего живи...

То-есть именно в интересах этого «ближнего» писатель не должен отрекаться от служения искусству. Напротив, он должен отдавать все свои силы на то, чтобы создаваемое им было прекрасно по форме.

Форме дала шедевр даян! Временем: важен в поэме Стиль, отвечающий теме. Стих, как монета, чекань...

Не потому, что прекрасная форма была важна для него сама по себе, а потому, что никакая тема поэтического произведения не увлечет и не выводит читателя, если этому произведению не придана наиболее совершенная форма, не придан стиль, наиболее «отвечающий теме». Аг-

тационная сила каждого произведения поэзии в огромной мере зависит от формы. Поэтому Некрасов так упорно работал над своими стихами, придавая им максимальную выразительность, лаконичность и силу.

«У него есть талант, — писал он об одном начинающем авторе, — и он непременно будет хорошим поэтом, если будет строго работать и овладеет вполне формой, без которой нет поэта».

Именно потому, что Некрасову, как поэту революционной демократии, была до такой степени дорога его великая Тема, он с неистощимым усердием работал над формой стиха.

3. Если мы вниман, например, в сохранившиеся черновики его «Сани», мы убедимся, что каждая строка этой поэмы была выписана им по крайней мере в десяти вариантах, — прежде чем он внес ее в окончательный текст.

И каждое его стихотворение давалось ему ценою такой длительной и напряженной работы. Например, в стихотворном диалоге «Почтеги», изображая деревенского старца, который сидит у костра, Некрасов в первом варианте написал о нем так:

Патриархом библейских времен Он глядел, драпировав в рогожу.

Но французское «драпировав» не шло к этому новгородскому жителю, и потому во втором варианте читает:

Патриархом библейских времен Он глядел, облаченный в рогожу.

Но старославянское «облаченный», должно быть, показалось поэту напыщенным, и потому в третьем варианте читает:

Патриархом библейских времен Он глядел, завернувшись в рогожу.

Завернувшись — повсеместное, простое, разговорное слово, п, должно быть, поэтому Некрасов охотнее всего остановился на нем.

Каким путем он достигал лаконизма, наиболее отчетливо видно по его долгой работе над теми знаменитыми стихами, где изображается возмущение декабристов.

Один из первых вариантов был такой:

Какой-то храбрый генерал, Влевет в каре, утешенья, Прощай, — один солдат, Прицелься, смерть ему посылал: С коня валится генерал.

Из раны брызжет кровь... Другой приблизился к рядам: «Прощенье царь дарует вам!» Развязка та же вновь...

Дальнейшая работа Некрасова заключалась именно в том, чтобы убрать из этой строфы все лишнее. А лишнего здесь оказалось немало: ведь и без слов было ясно, что стреляющий, перед тем как нажать свой курок, должен был непременно прицеливаться; что из раны брызнула кровь; что солдат, притесненный генералом, тем самым послал ему смерть. И Некрасов устремил все усилия к тому, чтобы эти ненужности были изгнаны. И в конце концов в этих десяти строках строка стала шесть лаконичных, сжав свое повествование до предела:

Какой-то бравый генерал, Влевет в каре, грозится стал — С коня снеси его. Другой приблизился к рядам: «Прощенье царь дарует вам!» Убил и того.

Пытаясь, например, изобразить Тарбатарский поселок в одном из первых вариантов «Дедушка», он написал об этом поселке такую строку:

Всюду работа кипит.

Должно быть, она показалась ему слишком абстрактной, и, зачеркнув ее, он написал:

В кузнице молот стучит...

То-есть вместо некоей алгебраической формулы поставил подлинное, реальное явление: «кузница», «молот», «стучит», так что вся строка приобрела тот конкретный характер, в котором и заключается сущность реалистической поэтики Некрасова.

Следующая строка той же поэмы была в первоначальном наброске столь же обща:

Все идет живо и споро.

И Некрасов опять-таки не удовлетво-

рился отвлеченностью этой строки и вместо нее написал:

Мельница выстроит скоро.

«Мельница» и «кузница» — к подобным конкретным образам стремилось художественное мышление Некрасова, отталкиваясь от таких неопределенных и расплывчатых-обших фра, как «всяю работа кипит» и «все идет живо и споро».

Дальше в первоначальном наброске у него было сказано так:

Всюду довольство, излишек...

«Излишек» и «довольство» — неопределенные термины, которые подлежат расшифровке, и Некрасов расшифровал их в величественных стихах, заменив алгебру живописью:

Все приносило, раздробило! Сколько там, Сажа, синеи! Перед селезем бело На полверсты от гусей...

Здесь, — особенно в последнем двустишии, — великая победа фактичности и материальности некрасовской речи над беспредметными словами и речениями. «Перед селезем бело на полверсты от гусей» — это в тысячу раз более яркий, поэтический образ, чем такие общие фразы, как «всяю довольство, излишек», «все идет живо и споро» и т. д.

Можно проследить по всем рукописям, как неустанно выполнял поэт свою труднейшую задачу:

важен в поэме Стиль, отвечающий теме.

Этой задачей он не нарушал никогда: стиль каждого его произведения постоянно находился в зависимости от идейной заат, которые он ставил пред собою при разработке того или иного сюжета. Как у всякого великого художника слова, форма произведений Некрасова всегда была подчинена ему их содержанию. И тем упорнее была его работа над формой.

В этих беглых строках я хотел напомнить о том, какое огромное значение придавал поэтический форме один из величайших революционных поэтов, которого никак нельзя заподозрить в склонности к искусству для искусства.

Марья или Мария Карповна?

Ефим Дорощ

Два с половиной года тому назад, когда только вышла в свет первая книга романа Григория Медынского «Марья», критика отмечала, что роман Медынского — заявка на большую, политически важную тему. В то же время много говорилось о существенных художественных недостатках книги. К их числу относили и такую на первый взгляд маловажную деталь, как имя героини — Марья.

Григорий Медынский, называя передового человека колхозной деревни грубоватым, «бабим» именем, заставив этого человека разговаривать нарочито «мужским» языком, тем самым обидел, принизил свою героиню, а это, в свою очередь, в какой-то мере лишило нас веры в то, что Мария Карповна Морозова действительно передовой человек советского села, руковоитель колхоза, одна из тех замечательных женщин, имена которых (с отчеством и фамилией) не сходят со страниц нашей печати.

Так противоречие между формой, навеянной устаревшими представлениями о деревне, и современным содержанием лило произведение главным — правды. Об этом противоречии хочется поговорить в связи со второй книгой романа Г. Медынского.

Спору нет, вторая книга удалась автору в значительно большей степени, нежели первая, о чем речь впереди, но и она не свободна от многих недостатков, причина которых в том же несоответствии между формой и содержанием.

Читатель, должно быть, помнит конец первой книги романа: Марья, к тому времени ставшая неплохим организатором колхозного производства, успешная окончив областные курсы председателей колхозов, встречается вернувшегося из армии после окончания войны мужа Семена.

Этим же эпизодом начинается и вторая книга. В тот, странное дело: читаешь первую главу и никак не веришь, что все это происходит в 1945 году, что люди, изображенные писателем, — председатели одного из передовых колхозов района и солдат Советской Армии, победителем прошедшей войны Европы. Все время ощущаешь себя если не в деревне, то в доколхозной деревне.

Причина здесь в художественных средствах: в языке, каким говорят герои, в деталях, от удачного выбора которых зависит жизненность изображаемой писателем картины.

Впечатление, будто действие происходит в старой деревне, усиливает следующая сцена:

«...На улице раздались крики, и чей-то отчаянный голос провозгласил: — Сама утон!

Марья бросила лунки и выскочила из дома. Вслед за людьми она побежала к пруду. В воде стоял воз со снопами. Наверху сидел Саша-дурочок и кричал благам матом».

Ну, чем не картинка из дореволюционного крестьянского быта с его алкающими, юрлящими и дурчаками, порожденными идеологием деревенской жизни!

Если ко всему добавить еще, что Семен — бывший бригадир, незваный герой победоносной, самой культурной в мире Советской Армии, — то в дело употребляет в разговоре такого рода, взятые из словаря баболомок и странного выражения: «Я сам добройтой человеческой жив-живую... Эта песня не допета, допоем ее на лето» — то станет ясно, в каком противоречии с действительностью находится много художественных приемов романиста.

Вот Груша Лобанова с Фомичом, положительными персонажами. Почему же их диалог напоминает не то что старую деревню, а нехорошую пародию на нее?

Григорий Медынский. «Марья». «Звезда», №№ 2, 4, 5, 6, 1948.

ИЗ РЕДАКЦИОННОЙ ПОЧТЫ

ГРУБЫЙ ПЛАГИАТ

Астраханская газета «Волга» не часто радует своих читателей публикацией стихов. Поэтому, когда 28 августа на ее страницах появились стихотворения А. Серганова «Баба и Вятка», написанные по мотивам народного сказания, оно привлекло внимание любителей поэзии.

Но велико было изумление и негодование читателей, установивших, что А. Серганов беззастенчиво выдал за свое собственное произведение одноименное стихотворение Б. Никонова, опубликованное еще в 1908 году в шестом номере журнала «Нива».

Впрочем, надо отдать должное А. Серганову. Он все же в меру своих сил «редактировал» несколько строчек из «украденных им» впрямь, привел их, так сказать, в соответствие с современностью.

ЛЕСНАЯ ЧУШЬ

Действие «Лесной сказки» (автор И. Беляков) происходит в непроходимом лесу. Главный герой — Гаврила. Он живет отшельником, вдали от людей. Его ближайший друг медведь Никанор делит с ним все дела и досуги. Гаврила ищет золото. В творческом содружестве с медведем Никанором он находит слиток золота, который медведь должен передать в Москву через стрелочника Трофима. Золото медведю поручается распорядиться на вокзале, с тем чтобы на вырванные деньги купить гаврилинцам вывезенную машину и ружье. Медведь Никанор бойко торгует малиной, но не успевает выйти из вагона. Поезд увозит его за сотни верст, он прыгает на ходу, спешит к своему верному другу Гавриле, но по дороге попадает в яму-ловушку, вырытую охотником. Медведь в отчаянии ломает ру-

ки, то бишь лапы, пока ему не удастся передать Гавриле через фазана о своей беде.

Дед Гаврила, собрав всех лесных зверей, спешит ему на выручку. Медведь Никанор освобожден, звери прорвут несколько лесок. В заключительной автор сообщает, что дед Гаврила и Никанор до сих пор «проживают» (!) в маленьком сосновом доме.

— В чем смысл всей этой сказки? — спрашивает удивленный читатель.

Скажем честно: не знаем.

Что хотел сказать И. Беляков своим произведением? О чем думал редактор книжки А. Кирьян? Какую цель преследовало Краснодарское краевое книгоиздательство, выпуская в свет этот откровенный бред?

З. МУХИН.

Запись произведений народного творчества

♦ Петрозаводск. Институт языка и литературы Карело-Финской ССР собрал много новых устных произведений народного творчества. Закончились летние экспедиции сектора литературы и фольклора института в районах Велозерском, Калевальи и Медвежьегорском. В Повзечье собраны новые рассказы и песни — о поездке товарища И. В. Сталина по Беломорско-Балтийскому каналу в 1933 году.

♦ Ереван. Вернулась экспедиция Государственного музея, собравшая богатый этнографический материал о курадах. Этнографы побывали в селе Алазек, расположенном на склоне горы Арагац, где записали произведения курдского народного творчества. Экспедицию возглавлял кандидат филологических наук Имине Авад, курд по национальности.

ны. Эта ревность доходит до того, что Семен даже поднимает руку на Марью.

Семен Афанасьевич и Мария Карповна Морозовы — культурные, всеми уважаемые в деревне люди, дружно прожившие долгие годы, потерявшие сына на фронте, и не могла пустая сплетня разладить их прочную семью, унизить пожилого, заслуженного, хвастливого горя солдата до того, чтобы он чуть не побил свою жену. Писатель, видимо, и сам чувствует все несоответствие между образами героев, как он их задумал, и тем конфликтом, в какой он их поставил. Писатель усложняет конфликт: Семен не понимает своей жены, ее стремлений и планов, он не хочет, чтобы она была председателем колхоза, то-есть попросту, как и в случае с ревностью, здесь противопоставляется «несознательный» фронтовик сознательной, выросшей за годы войны колхознице.

И против этого хочется решительно возразить.

Советская Армия в дни войны и в дни мира была и есть великодушная школа, подготовившая для страны сотни тысяч политически развитых, культурных, обладающих отличными деловыми качествами работников. Для того, чтобы показать героический подвиг советских женщин в тылу, вовсе незначит противопоставлять им «несознательных» фронтовиков.

Но в чем же все-таки достоинства второй книги романа Григория Медынского? Имеем ли мы здесь дело все с той же заявкой на политически важную тему, как писала критика о первой книге? Думаем, что не только с заявкой, но и в значительной мере с ее реализацией.

Чем больше Медынский показывает своих героев в действии, в создании нового — постройки гидроэлектростанции, выращивание сортовых семян, помощь отстающему колхозу, беседа Марии Карповны в качестве доверенного лица с кандидатом в депутаты, — тем попросту меньше места остается для прибавок, для надуманных конфликтов, для всякого рода «колоритных» деталей якобы деревенского быта.

Новое содержание властно распоряжается в романе, вытесняет на его форму, и люди начинают говорить и думать по-новому.

Когда Мария Карповна при составлении пятилетнего плана говорит секретарю райкома: «Слова-то еще я не знаю, вот беда!» — это фальшиво, это не разговор председателя колхоза, коммуниста с партийным руководителем, а скорее «деревенской бабы» Марии с учителем, что ли.

Но когда та же Марья, в ответ на замечание секретаря райкома, что «стыдно хоршему колхозу иметь под боком такого соседа» (речь идет об отстающем колхозе «Возрождение»), с достоинством говорит: «А райком-то стыней!» то здесь уже она — Мария Карповна, председатель и большевик, передовой человек села.

К числу находок писателя принадлежит и посещение Семеном сортопосыльного участка, где он как бы новыми глазами увидел знакомые с детства растения. Попросту хорош эпизод, передающий мысли героини, вызванные чтением речений февральского пленума ЦК:

«Марья читает этот документ, читает все подряд — и о хлопке, и о сахарной свекле, и о цитрусах. И хотя ни масла, ни ливнера, ни какой-то хурма никакого, вероятно, не будут расти в Подосенках, но ей и это интересно, потому что кто-то и где-то, в каком-то колхозе, может быть, такая же Марья — или как их там по местному зовут — думает о том, чтобы вырастить больше этой самой хурмы, как сама она больше сейчас о хлебе».

Перед нами подлинно новый человек деревни.

Итак, выразился фигурально, Медынский терпит неудачу всюду, где его героиня — Марья, и достигает удачи всегда, когда она — Мария Карповна.

В Англии, когда умирает лорд, поместье его великого переходит к старшему сыну. Этот закон наследования называется майоратом. Наследство Маяковского никому не может быть передано по принципу майората.

Волшебники «...хранят наследство не так, как архивариусы хранят старую бумагу. Хранят наследство—вообще не знают еще ограничиться наследством...» (Ленин).

Вот так хранят наследство Маяковского и советские поэты. Во время своей замечательной работы над плакатами РОСТА Маяковский был почти единственным поэтом, который сумел поставить поэзию на повседневную службу политической борьбе. В дни Отечественной войны сотни бойских и малых поэтов, восприняв опыт Маяковского в невиданно широких масштабах, обслуживали поэтическим словом сотни дивизионов, армейских, флотских, фантильских, фронтовых газет. Они это делали, участь у Маяковского, хотя трудно найти у Твардовского или Суркова, или Домгатовского — активнейших участников этого великого поэтического дела — точные следы рифм или синтаксиса Маяковского.

Маяковский коренным образом изменил жанр поэмы, превратив ее в широкий дивизионский монолог, обращенный к истории и современности. Так написаны «Владимир Ильич Ленин», «Хорошо!», «Во весь голос», Вера Инбер в «Шуковском меридиане» участь у Маяковского, разрабатывая найденный им жанр новой поэмы.

Политическая сатира Маршак не похожа по языку, по приемам на «Окна РОСТА» Маяковского, но корень ее происхождения, — несомненно, «маяковский». Язык, синтаксис, рифмы Маяковского —

ДНЕПРОПЕТРОВСК. Вечерами над большим колхозным селом Васильковкой звучат новые украинские мелодии. В песнях слышатся колхозный строй, стахановские поля. Сочинители новых песен—колхозники сельхозартели «Червоный хлібороб» Поликарп Романчук. Колхозный хор готовит на областной смотр художественной самодеятельности несколько его песен.

В Кривдоржском бассейне популярны песни «Шахтерская комсомольская» и «О знатном горняке Митрофанове», музыку к которым написал хорак тов. Яшинокоский. Днепропетровский инженер тов. Черныш создал музыку песни «Марш молодых летчиков».

ДНЕПРОПЕТРОВСК. Вечерами над большим колхозным селом Васильковкой звучат новые украинские мелодии. В песнях слышатся колхозный строй, стахановские поля. Сочинители новых песен—колхозники сельхозартели «Червоный хлібороб» Поликарп Романчук. Колхозный хор готовит на областной смотр художественной самодеятельности несколько его песен.

В Кривдоржском бассейне популярны песни «Шахтерская комсомольская» и «О знатном горняке Митрофанове», музыку к которым написал хорак тов. Яшинокоский. Днепропетровский инженер тов. Черныш создал музыку песни «Марш молодых летчиков».

ДНЕПРОПЕТРОВСК. Вечерами над большим колхозным селом Васильковкой звучат новые украинские мелодии. В песнях слышатся колхозный строй, стахановские поля. Сочинители новых песен—колхозники сельхозартели «Червоный хлібороб» Поликарп Романчук. Колхозный хор готовит на областной смотр художественной самодеятельности несколько его песен.

В Кривдоржском бассейне популярны песни «Шахтерская комсомольская» и «О знатном горняке Митрофанове», музыку к которым написал хорак тов. Яшинокоский. Днепропетровский инженер тов. Черныш создал музыку песни «Марш молодых летчиков».

ДНЕПРОПЕТРОВСК. Вечерами над большим колхозным селом Васильковкой звучат новые украинские мелодии. В песнях слышатся колхозный строй, стахановские поля. Сочинители новых песен—колхозники сельхозартели «Червоный хлібороб» Поликарп Романчук. Колхозный хор готовит на областной смотр художественной самодеятельности несколько его песен.

В Кривдоржском бассейне популярны песни «Шахтерская комсомольская» и «О знатном горняке Митрофанове», музыку к которым написал хорак тов. Яшинокоский. Днепропетровский инженер тов. Черныш создал музыку песни «Марш молодых летчиков».

Учитесь у Маяковского!

Ан. ТАРАСЕНКОВ

Дискуссия, которая развернулась на страницах «Литературной газеты», — важная и актуальная дискуссия. В самом деле, в выступлениях Ир. Пятлар, С. Кирсанова, Ал. Суркова, Н. Асеева речь идет вовсе не только о Горьком, хотя его имя употребляют в их статьях очень много раз, — речь идет, прежде всего, о путях развития нашей поэзии. Для того чтобы не быть ложно понятым, сразу должен заявить: в оценке самой поэмы Горького, ее поэтики, по-моему, более всех прав Н. Асеев. Он трезво сказал о ее достоинствах и о недостатках. Он верно охарактеризовал поэтику молодого автора и справедливо указал на подражание Горькому Маяковскому, назвав его «слепотворным ученичеством». Вопрос о Горьком-ясеи. Молодому автору нужно помочь в его творческой работе, надо помочь ему издать книгу стихов. Такой частный практический вывод из дискуссии.

В ходе самой дискуссии было высказано немало спорных, а подчас и совсем неверных суждений. Их необходимо поправить, уточнить. Невозможно принять то, что написал С. Кирсанов об М. Исаковском, о Ник. Тихонове. Это злая неправда. Искусный дар Исаковского великодушен и многообразен. Творчество Исаковского вошло в золотой фонд советской поэзии. Внешне скромная и непритязательная, эта поэзия глубоко личная, умная, она отличается художественным совершенством. В ней выразился дух всеобщего, уверенного в своих силах, безгранично любящего свою Родину трудового советского народа. Эту поэзию не спутаешь ни с какой другой, — она самобытна, неповторима. Кирсанов избрал нехитрый прием доказательства от обратного: якобы отвергая существование Исаковского в Икитинском, он на самом деле превратил Исаковского в подражателя. Точно так же он попытался свести творчество Н. Тихонова к реминисценции из-за-за. Эти сравнения надо отвергнуть, — они несправедливы.

Гораздо интереснее не вопрос о том, кому подражал, а вопрос о том, что нового внесла в советскую литературу М. Исаковский, Н. Тихонов и др. добавив А. Твардовский, С. Маршак, Н. Асеев, А. Кузнецов, М. Вайан, Джамбул, К. Симонов и многие другие талантливые поэты нашего времени. При внимательном и добросовестном анализе окажется, что все это — действительно «хорошие и разные», подлинно советские поэты, новаторы (каждый по-своему) — люди, которые приобщили к сокровищнице советской культуры лично ими найденные ценности. Нет возможности в рамках газетной статьи конкретизировать и развить это положение. Но разве не ясно, что русская поэзия не знала до поэта Твардовского такого изумительного поэтического применения народного советского языка, какое он дал в «Стране Муравья» и «Василии Теркин»; что до Исаковского не существовало такой массовой лирической песни, которую выпало на долю создать и развить именно ему; что до Маршак мы не знали такой ясной, чистой, коммунистически воспитательной детской поэзии, творцом которой стал он, к тому же великодушный поэт-переводчик и поэт-сатирик; что Кузнецов и для безоружной и для всей советской поэзии открыл новые ритмы, новую музыку повествовательного стиха; что Тихонов и Асеев — каждый по-разному — богато, многосторонне разработали жанр новой лирики и т. д. и т. п.

Все эти и многие другие советские поэты объединены тем, что их главарем, их вожаком, их учителем была и остается Маяковский. Советская поэзия — его коллективный наследник. Неправ Н. Асеев, который полагает, что при обилии наследников «размечать наследство нежелательно». Это было бы правильно, если бы речь шла о праве на индивидуальное наследование. Но речь идет о владении сообще, и в этом сила и необходимость наследников Маяковского.

В этой книге К. Симонов возмечает свой голос для того, чтобы громко, уверенно, с большой поэтической силой бросить слова презрения и гнева в лицо поджигателям войны. Великодушен в этих стихах образ советского человека, отличающегося зрелостью и интуитивной современности Уолл-стрит:

Стоит мой друг над стаей волчьей, Сомой братских рук храним. Во время, как сам Сталин молча Во время речи встал за ним.

«Друзья и враги» Симонов выразил ведущую тенденцию советской поэзии — поэзии борьбы за коммунизм.

Подобно творчеству ученика К. Симонова у Маяковского не подлежит сомнению.

Об этом уже не раз писалось, и нет нужды снова доказывать плодотворность ученика у Маяковского. Сейчас речь о другом — о том, к чему приводит отступление от идейных принципов Маяковского. В только что вышедшем одноименном К. Симонова опубликована небольшая поэма «Несколько дней».

Об этой вещи надо поговорить подробнее. Хранит поэму полностью К. Симонов напечатал впервые, хотя под ней стоят даты 1940—1946. Что же представляет собой это произведение? Это любовная лирика. Но, к сожалению, герой этой поэмы — вовсе не тот человек, от лица которого написан цикл «Друзья и враги».

Он видит мир совсем иначе, нежели тот советский патриот, от лица которого написаны «Убий его», «Жди меня», «Суворова», «Деловое побаше», «Митинг в Канаде», «Красная площадь». Это бросается в глаза сразу, начиная с того эстетского пейзажа, который предваряет рассказ о изрежании героя:

Был сад набит пиковой мастью Кришачих галок и галчих. Хотелось стасовать на счастье И поглядеть под крики их...

Но ведь это не из Симонова, это из Пастернака! Совпадение здесь почти текстуальное, вот строки из «Старого парка»: ...Крепнет ветер, озверев, И летят грачей девятки, Черные девятки тref.

Может быть, это случайное совпадение, случайный образ? Вуваемся в сюжет поэмы Симонова. Он несложен. Сначала разговор о ней — предмете любви героя. Он сделан в тех нарочито «грубых», на-

Г. К. Симонов. «Стихи — песни — рассказы». Гослитиздат, 1949.

рочно «мужских» интонациях, которые были слышны уже в стихах Симонова «С тобой и без тебя», но здесь достигает своего, я бы сказал, антихудожественного апогея:

Он иногда любил нектари, Как лопать, женщину судить — С мужского грубостью по статьям Ее придирливо ценить.

Здесь плохо все — начиная от чудовищного узурения («по статьям») и кончая полнотой мысли персонажа поэмы. Правда, с этим «другом», как называет его лирический герой Симонова, он как бы полемизирует. Но что это за полемика! Вот философия любви, которую он разрабатывает уже от первого лица:

Предчувствие любви страшнее Самой любви. Любовь, как бой, Глаз-на-глаз ты сошлась с нею, Жалеть нечего, она с тобой.

Новый год. Москва. Встреча с героиней прошептал в кокетлив-холоде: ...Зайдем, — скорей бокалы в руки, И стойка, и за стойкой мы. Крутящиеся табулетки, И, словно все, в сто мастей До потолка все этикетки В стекло упританных черт.

Описание, надо сказать, довольно точное, реалистичное. Но так ли уж характерно место действия, избранное поэтом для лирической встречи героев, молодых наших современников, о которых как будто идет речь в поэме Симонова. Что же дальше? «Сердце, как колючий, стучится», и герой медлит в счастливой уверенности, что «она» скоро будет принадлежать ему. В машине герой уводит свою возлюбленную в дом, напоминающий старую барскую усадьбу, «со старинной киньзелью прибором, служб и флигелей» и, как можно понять из многочисленных многократных, отходящих описание ночи от описания утра, довольно быстро и энергично осуществляет свои «мужские претензии».

Поэма, неужели действительная речь идет о советской молодежи, характерных приметах ее любви? Да, некоторые внешние приметы времени действия, разбросанные автором, убеждают, что намерение его было именно таковым. Но «обещание, как обручальное кольцо»? Но эта злая и мучительная любовь, то дело переходящая во взаимное терзание по всем правилам нехитрой декантской традиции?

И далее — горькое, мрачное описание одного из тяжелых эпизодов войны:

Могут тебе сказать, что тут Все так же холодно и скользко, Весь день дожди иду, иду, Как растаившее вобско...

Воронки черные болячки, Грязь и вода, смерть и вода, Оборванные провода И корни в мертвых позах скачки.

Мы помним выше строки военных стихов Симонова, наполненных гордой уверенностью в силах Советской Армии, бесподобными оптимизмом победы. А здесь, в поэме «Несколько дней» — тоска героя, его воспоминания о старых срачах с любимой женщиной. Да полно, любил ли она? Так мало похоже на любовь то жалкое чувство обаяния и томительного отчаяния, которое то и дело овладевает героем во время сна и разлуки.

Поэма Симонова завершается описанием вечеринки в доме бывшего эмигранта, на этот раз на территории Японии. Дело происходит после разгрома кантуанской армии. Хозяин дома раскаялся, запрягает советский паспорт и хочет вернуться в Советский Союз. Он поднимает бокал и шлет за Россию. По духу лирического героя, который присутствует на этой вечеринке, нет «босой по битому стеклу» к той женщине, которая осталась в Москве. Свою мучительную «любовь» к ней герой сравнивает с любовью хозяйки дома к своей старой родине. И, находясь в разлуке с этой женщиной, он снова просит принять его в подданство — «подданство любви», — он молдит ее, да-деваю.

И, как изгнанник, слушал я, Улав лихом на стол, И видел дальние края И пограничный столб. И там, за ним, твои люди Опять, опять, опять... Как обручальное кольцо, Что уж с руки не снять.

Вот и все... Как странно было проследить эту поэму, которая всеми своими идейными и стилистическими беспечностями далека от нашей действительности. Как могло произойти, что передовой советский поэт К. Симонов, с такой страстью записавший во многих стихах, статьях и докладах линию боевого, партийно-направленного советского искусства, мог написать и в 1949 году опубликовать такую поэму? Опубликовать после цикла «Друзья и враги», где он плодотворно участвовал в развитии худшей традиции декантского?

Этот пример говорит о том, что вопрос об учении у Маяковского — не праздный вопрос, что, опираясь на боевые традиции Маяковского, можно и должно пролагать борьбу с пережитками декантства, которые с такой неопознанным силой вдруг проявились в творчестве одного из крупнейших советских поэтов.

«Старое, но грозное оружие» Маяковского не раз еще пригодится нам в нашей идейной борьбе. Маяковский и был, и остается, и долгие время еще останется непревзойденным учителем нашей поэзии.

Г. К. Симонов. «Стихи — песни — рассказы». Гослитиздат, 1949.

КУЛЬТУРНАЯ ХРОНИКА

♦ Москва. Литературная общественность столицы отмечает 24 сентября в Доме литераторов 75-летие со дня рождения и 50 лет литературной и научной деятельности доктора филологических наук И. Розанова.

♦ Саратов. Конкурс на короткий рассказ и очерк проводит саратовское отделение Союза советских писателей, редакция газеты «Коммунист» и областное государственное издательство. За два месяца на конкурс поступило около 150 рукописей. Часть рассказов и очерков, одобренных

жюри, напечатана в газете «Коммунист». После окончания конкурса лучшие рассказы и очерки будут напечатаны в альманахе «Литературный Саратов».

♦ Новосибирск. Составилось творческое объединение новой песни сибирского писателя К. Урманова «Конеч Бобровки», посвященный освобождению Сибири от Колчака. В обсуждении приняли участие писатели, режиссеры, артисты, критики. Они дали автору много ценных советов.

♦ Игарка. В городе состоялось совещание юных авторов второй книги «Мы из

Игарки». Создана инициативная группа по сбору литературного материала. От пионеров и школьников начали поступать рассказы, очерки, стихи, рисунки, фотографии.

♦ Ташкент. Конкурс на лучшее сочинение объявил Совет Министров Узбекской ССР в связи с предстоящим 25-летним юбилеем республики.

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

№ 75

3

Янки в Южной Корее

ТАННЕР СПЕШИТ

В нескольких километрах от древнейшего города Корея железно-автомобильный путь перевертывается извилистыми поворотами. Здесь нет никаких запасных путей или тупиков, для ограждения которых потребовалось бы излагать, лет поблизости также ни поселков, ни проселочных дорог. Неуместным и ненужным кажется этот полосатый барьер.

Здесь проходит 38-я параллель, пока еще разделяющая живое тело единой Кореи на две части: южную и северную. В 60 километрах от Кайсанга находится Сеул. В этом городе расположены штаб-квартиры американских экспансионистов, конторы американских компаний по хищнической эксплуатации корейских богатств, бесчисленные американские коммюнажеры, «советники», «специалисты». Здесь же резиденция уполномоченного, распределяющего кредиты по плану Маршалла, и его фактических помощников — членом так называемой «комиссии ООН по Кореи».

У подножья гор, среди прудов и искусственных озер, возмущаются утопающие в зелени садов и парков старые королевские замки. Это памятники древней корейской архитектуры, украшенные дворцовой и храмовой живописью и другими выдающимися произведениями корейских мастеров фарфора, серебра, бронзы, лака.

Две широкие магистрали пересекают город, соединяя западные и восточные ворота бывшей крепости. Четыре таких же магистрали связывают северные и южные ворота. В центре Сеула — широкие асфальтированные улицы, большие площади, многоэтажные дома европейского типа, феерические гостиницы, рестораны, кафе и пыльные кварталы публичных домов: европейских, корейских, японских. День и ночь здесь не гаснет мерный неоновый свет, из открытых окон несется звук заграничных до хрипоты пластинки — японских танго и американских фокстротов.

Чувственно убогие окраины. Низенькие глиняные домики с соломенными крышами лепятся друг к другу в хаотическом беспорядке, образуя лабиринт узких, кривых улочек и тупиков. Голые, голые разбитые ребятишки с утра до ночи возятся в пыли. Зловоние и грязь.

Сеул был построен несколько веков назад как военная крепость. Его высокие каменные стены, местами сохранившиеся и поныне, не раз подвергались штурму маньчжур и японцев. Город знал немало изомышенных порабитителей. Теперь здесь американцы. Они не брали древних стен Города и не вели здесь войны. Они и не изгоняли из Кореи японских империалистов. Они пришли сюда в 1945 году, спустя 23 дня после того, как Советская Армия освободила Корею. Попытка под видом друзей, заявляя, что собираются помочь корейцам создать независимое государство, после чего они вернутся к себе в Америку. Теперь экспансионисты не хотят уходить отсюда.

Американские колонизаторы расположились в Сеуле, как в своем поместье. В национальном музее они устроили американский клуб, в летнем дворце — резиденцию «уполномоченных», в старом королевском замке — салон для банкетов. Американцы заняли лучшие дома и дачи на берегу. Они окружили себя охраной и полностью стараются использовать то, что привезли сюда с собой.

А привезли они все необходимое для колонизации страны: моторизованную полицию и «советников», пушки, танки и коммюнажеров, геологоразведочные партии и кинопроизводство Голливуда. Они не забыли захватить комфортабельные автомобили и жевательную резинку, широкополосные шляпы и шезлонги. Особо в этом «ассортименте» следует упомянуть об американской марionетке Ли Сын Мане, который по воле оккупантов стал даже «главой правительства».

Импортированный из США, поселившийся в президентстве, Ли Сын Ман был усажен своими американскими хозяевами в президентское кресло. Они предоставили своему старому агенту дворец, огражденный волю-

чей проволокой, и двойную охрану: из американских солдат и корейских террористов. Выше американское военное начальство дало ему шесть «джипов» с пулеметами, которые эскортируют его при переездах.

Оказавшись «президентом», Ли Сын Ман с готовностью подписал ряд продиктованных ему «договоров». Согласно этим «договорам» контроль над всей политической и экономической жизнью юга передан американцам. Особо привилегированные условия и неограниченные возможности предоставлены американским предпринимателям. Американские монополии спешно реализуют план эксплуатации «большой части ископаемых» Южной Кореи. Основное внимание уделяется добыче магнетита, вольфрама, молибдена и других минералов. Уместно напомнить, что до войны эти ископаемые корейских недр обеспечивали от 85 до 100 процентов военной потребности Японии.

Весьма важное значение придают американские колонизаторы Южной Кореи как военно-стратегическому плацдарму. По всей Южной Кореи идут строительные и ремонтные работы, расширяются и вновь создаются порты и аэродромы.

В городе Инчон около 60 промышленных предприятий, подавляющее большинство которых не работает. Промышленность Инчона не восстанавливается. Тем не менее американцы построили автодорогу Сеул—Инчон, а также дорогу от аэродрома Кымыдо до Инчона, отремонтировали и усилили железнодорожную линию, связывающую Инчон с Сеулом.

Это строительство вызвано отнюдь не экономическими соображениями. Порт Инчон имеет крупное стратегическое значение. Реконструирован также крупнейший порт Фузан. Вблизи Фузана создается новый порт. Расширяются и вновь строятся аэродромы, в частности, близ Сеула и Кымыдо. На острове Чеджу создается военная база.

Военно-стратегическое строительство и эксплуатация полезных ископаемых для военных целей ведутся в ущерб всей экономике юга, доведенной до полного упадка. Американский корреспондент Аллен Раймонд в газете «Нью-Йорк геральд трибюн» сообщает, что промышленное производство Южной Кореи «до сих пор уже» (!) 25 процентов довоенного уровня. Другой американский корреспондент, Роберт Олвер, цитирует выходы государственного департамента, в которых указывается, что мероприятия, проведенные американцами в Южной Кореи, «оказались недостаточными, чтобы предупредить... развал корейской экономики...»

Еще в худшем положении находится сельское хозяйство Южной Кореи, которая являлась раньше основной житницей страны.

В результате четырехлетнего хозяйничанья американцев в Южной Кореи ее население доведено до полного обнищания. Дневная норма продовольствия для трудящихся не превышает 100—200 граммов риса и чумизы (вид проса). Цены на рынке за годы аме-

риканского господства выросли более чем в 700 раз. Товары широкого потребления совершенно исчезли. Инфляция достигла чудовищных размеров. По улицам скитаются два миллиона бездомных людей. Количество безработных достигло 3 млн. человек. Ежедневно на улицах подбирают трупы погибших от голода и болезней. Все чаще встречаются плакаты с надписями, предупреждающими американцев: «оф лимит» — «вход воспрещен». Таково рождение «сигналов» обрываются районы городов и поселков, где свирепствует проказа, траума, тиф или где попросту страшная нищета представляет собой, по мнению властей, явную опасность для здоровья чистокровных американцев.

Стремясь держать в повиновении местное население, американцы установили в Южной Кореи жесточайший полицейско-террористический режим. Репрессии и аресты — основная мера, при помощи которой американцы управляют югом страны.

Этого не могут скрыть даже сами колонизаторы. Секретарь так называемого «американского фонда распространения просвещения в Кореи» Чаннинг Лиам в статье под совершенно неуместным заголовком «Соединенные Штаты правят в Кореи» вынужден признать, что «деятельность корейской полиции превратила жизнь народа в кошмар».

Первое, что бросается в глаза каждому проезжающему в Сеул, — это огромное количество полиции, американской и корейской, пехоты и конной. Полиция на американских автомобилях и японских мотоциклах, на велосипедах и даже на рикшах, полиция с автоматами и дубинками, с пулеметами и походными радиостанциями.

Американские полицейские посажены на «джипы». На белой эмали — большая черная надпись: «США. Военная полиция».

Американские оккупанты пытаются «оседлать» народы Южной Кореи так же, как этот самодовольный колонизатор «оседлал» рикшу (снимок сверху). Один из многочисленных рикш-носильщиков Южной Кореи, после того как он закончил очередную рейс, протискивается на себе «американский груз» (снимок внизу). Фото Я. Гудкова.

И когда раздается сирена полицейской машины, — прожиге сразу же останавливаются и стараются свернуть куда-либо в переулок.

Корейские полицейские носят белые пробовые шляпы, в руках у них толстые дубовые палки, выкрашенные в белый и синий цвет. По первому знаку американца они подбегают и, наклонив голову, почтительно выслушивают и выполняют любой приказ.

Многочисленная полиция не сидит без дела. По официальному сообщению главного судьи «верховного суда» Южной Кореи с 15 августа 1945 года по январь 1948 года в Южной Кореи было арестовано 402.886 человек.

Около пятисот человек в сутки!

Руководимая американцами корейская реакция посылает против «непокорного» населения Южной Кореи карательные отряды. Так, корреспондент агентства Ассошиэтед Пресс сообщил, что в течение года только на острове Чеджу было убито 15 тысяч человек, 65 тысяч оставлено без крова, а 205 деревень из 400, имевшихся на острове, полностью разрушены.

Все это, разумеется, происходит с полного благословения американских колонизаторов и по их указке. «Человеческая жизнь дешево ценится в Кореи», — цинично заявляет уже упомянутый нами Аллен Раймонд. И «философски» констатирует: «Так было испокон веков».

Четыре года хозяйничанья американцев в Южной Кореи, Кореи за это время особенно хорошо узнали их. Они почувствовали всю силу американского гнета, увидели без прикрас американскую «культуру» и «цивилизацию» в действии и сложили о них твердое мнение.

Всегообщую ненависть и откровенное презрение вызывают американские оккупанты у корейского народа. Обрекаемое на голод, жестокое эксплуатируемое население Южной Кореи ведет священную борьбу за свою свободу и независимость, за освобождение от американского господства.

8 сентября на заседании четвертой сессии Верховного народного собрания Корейской народной-демократической республики глава правительства Ким Ир Сеп привел яркие факты борьбы корейского народа за вывод американских войск с объединения страны.

Единый демократический отечественный фронт (ЕДФО), созданный по инициативе политических партий и общественных организаций юга, развернул огромную деятельность за мирное объединение страны. Этот лозунг нашел самый горячий отклик среди всех слоев населения. В знак поддержки решения ЕДФО о мирном объединении страны, по всей Южной Кореи прокатилась новая волна забастовок.

В то же время партизанское движение охватывает все новые районы, несмотря на то, что против него мобилизована вся армия и полиция Южной Кореи и многочисленные карательные отряды американские военные «советники», руководящие подавлением партизанского движения, всем своим поведением еще больше озлобляют корейский народ.

Партизанскими действиями охвачены все 8 провинций Южной Кореи, 118 уездов, 683 волости.

В освобожденных партизанами районах восстанавливаются народные комитеты и проводится земельная реформа. Во всех освобожденных районах развевается флаг Корейской народно-демократической республики.

Этот флаг в виде вызова и грозного напоминания был наделан воздужен и на резиденции Ли Сын Мана, где флаг находился в течение целого дня: полиция никак не могла до него добраться.

Корейцы, глядя на этот символ свободы и на тщетные попытки полиции сорвать его, многозначительно улыбаются. Они твердо верят, что недалек день, когда народ собственными силами добьется того, что этот флаг будет развеваваться над всей Кореи.

Военный преступник Вайне Таннер был вышут из тюрьмы досрочно. Широкой общественности сообщали, что ему запрещено заниматься политической деятельностью. Сразу же после своего освобождения Таннер, гаваря финских фашистов, заявил корреспондентам о намерении провозгласить остаток жизни в родном имении Сорки, сажать цветы и разводить карпов в пруду. Премьер-министр Финляндии Фагерхольм в свою очередь засвидетельствовал, что сам будет следить за добрым и примерным поведением условно помилованного военного преступника.

Большое то, в своем выступлении в Танпере, отвечая на статью, напечатанную «Литературной газетой», Фагерхольм выразил даже удивление по поводу того, что кто-либо может обнаружить хоть какое-нибудь стремление со стороны Таннера пробраться к власти.

Таннер гнал. Жестокое свидетельствовал и Фагерхольм. А вся эта заведомая комедия была разыграна лишь для того, чтобы дать возможность Таннеру вновь стать одной из решающих фигур в политической жизни современной Финляндии.

Пропушенная было после разгрома Гитлера финская реакция ныне подыала голову и опять обрела в Таннере своего «фюрера». Для финских реакционеров он является знаменем, под которым уже дважды велась война против Советского Союза. Да американские империалисты это пенная находка, доставшаяся им в наследство от германского фашизма.

Обратимся к фактам.

17 июля на страницах центрального органа финских правых социалистов «Суомен социалдемократти» Таннер требовал от Фагерхольма полного возврата к тому антисоветскому и антинародному курсу, который он, Таннер, проводил во время войны в полном согласии с гитлеровской Германией. Для того чтобы достичь этого, поучал Таннер, необходимо укрепить правительство старыми, испытанными кадрами, которые в дни последних невзгод, наступивших тогда для социал-демократической партии, «смогли ей сохранить свое лицо».

Услышав этот облик социал-демократического босса, Фагерхольм поспешил включить в состав кабинета в качестве экономического диктатора одного из социал-демократов Таннера — пресловутого Унго Варьонена, бывшего председателя фашистской финско-немецкой организации «Братья по оружию».

По той же таннеровской директиве министр Куунонен, он же председатель Центрального объединения профсоюзов Финляндии (ЦОПФ), исключает из объединения 100.000 рабочих и подготавливает выход «проклятого» ЦОПФ из Всемирной федерации профсоюзов. Министр полиции Симонен учинил кровавую расправу над бастующими рабочими в Кеми. Варьонен, повторяя клевету фашистско-лауассеев, объявляет борьбу голодных, отчаявшихся финских трудящихся против наступления монополий «результатом политической пропаганды» коммунистов. Сам Фагерхольм, оставив на полицию для борьбы с беззаконными рабочими, удовлетворенно заявляет корреспонденту шведской газеты «Экспрессен», что «у него, правительства и армии достаточно крепкие нервы», чтобы разгромить демократические элементы в стране.

Таннер доволен послушанием своих подручных в правительстве. Выступая в городе Форсе, он покровительственно холопывал по плечу Фагерхольма. «После прихода к власти социал-демократического правительства Фагерхольма», — разглагольствует этот военный преступник, — «возврат к прежнему курсу (то-есть к фашистской политике Таннера. — С. М.) происходит быстрыми темпами».

Таннер действительно продвигается к власти «быстрыми темпами». 28 августа в Таннере он уже открыто поносит политический курс 1944—1947 годов, открывавший перефиландию возможность поворота к фашизму и встать на путь демократического развития. Он уже не рекомендует, а попросту приказывает постараться расправиться с демократическим лагерем в Финляндии, стремящимся уберечь страну от новых авантур. Он укоряет министра полиции Симонена в том, что мало работ кровью проливается в Кеми при расстреле демонстраций бастующих. Для борьбы с широкими народными массами Таннер предлагает пустить в ход методы фашистского террора.

Подписываясь обеими руками под «аппалзом» международного положения, данным на Уолл-стрит, а заодно и под всеми нападками поджигателей войны на СССР и страны народной демократии, Таннер в своей речи, произнесенной 1 сентября в Хельсинки, провокационно заявляет: лишь в том случае «могло бы быть достигнуто улучшение отношений между Финляндией и СССР», если бы советская печать и радио... отобрали внутреннюю и внешнюю политику господствующей клики в Финляндии и ее правительства. Иначе говоря, политику самого Таннера! Так, под провокационным и лживым предлогом якобы «несправедливого отношения» советской общественности к планам Таннера и Фагерхольма эти представители американской партии в Финляндии стремятся погубить диктуемый им курс на втягивание Финляндии в лагерь американского империализма и фашизма.

Итак, Вайне Таннер спешит. Его пугает размах демократического движения в Финляндии, его весьма опасается то место, какое американские империалисты готовы отвести Финляндии в лагерь противников СССР и стран народной демократии.

Но ни для кого теперь не является секретом, что проводимая правящими кругами Финляндии политика возврата к столь милому сердцу Таннера «традиционному курсу» правой социал-демократии уже резко ухудшила внутреннее и внешнее положение Финляндии. В области экономики экспортные поступления американских монополий закрыло для финской индустрии и бумаги рынки западноевропейских стран. Девальвация финской марки, проведенная по американскому диктату, вызвала дальнейшее снижение жизненного уровня трудящихся. Цены на муку и хлеб за последний год увеличились вдвое, квартирная плата возросла на 40 процентов, резко возвысились оплата коммунальных услуг. Безработица достигла угрожающих размеров: каждый второй человек из числа трудящихся, «обливаемых» профсоюзами, не имеет работы! Все это — результат проводимого Фагерхольмом таннеровского курса на включение Финляндии в экономическую систему «плана Маршалла» и в Северо-атлантический блок.

Рабочий класс Финляндии отвечает на эту политику гонимой и подготовкой новой волны массовых забастовок, многочисленными митингами протеста против интриг американских империалистов и провокаций их финских лакеев. Реакция не в состоянии противопоставить мощное движение народного протеста ничего, кроме полицейских дубинок Симонена, армейских автоматов, угроз «финского Кришпа» — Варьонена и истерических выступлений Таннера. Пауганная пролом демократических сил, реакция усиливает террор против финского народа, мобилизует для этой цели армию и организует для «охраны порядка и спокойствия» отряды из заведомых фашистов и шпикеров. Главную ставку правящая верхушка Финляндии делает на присоединение к Атлантическому блоку и превращение страны в американский плацдарм на севере Европы.

Вся эта провокационная политика, принимаемая воплями о необходимости «свести борьбу за демократию», никоим образом не способна обмануть. Многолюдные митинги протеста против деятельности Таннера — Фагерхольма в Хельсинки, Турку, Лахти, Куопио и других городах вновь мобилизируют всему миру готовность финского народа в защите своих истинных интересов. «Мы будем бороться за то, чтобы Финляндия никогда не превратилась в планируемую англо-американскими империалистами плацдарм для антисоветской военной авантюры», — заявил один из руководителей прогрессивного лагеря Аймо Алтонен в Хельсинки на митинге, посвященном памяти расстрелянных в Кеми рабочих.

Если народ обречен в борьбе за мир и хлеб, — таннери бессильны!

кратического развития. Он уже не рекомендует, а попросту приказывает постараться расправиться с демократическим лагерем в Финляндии, стремящимся уберечь страну от новых авантур. Он укоряет министра полиции Симонена в том, что мало работ кровью проливается в Кеми при расстреле демонстраций бастующих. Для борьбы с широкими народными массами Таннер предлагает пустить в ход методы фашистского террора.

Подписываясь обеими руками под «аппалзом» международного положения, данным на Уолл-стрит, а заодно и под всеми нападками поджигателей войны на СССР и страны народной демократии, Таннер в своей речи, произнесенной 1 сентября в Хельсинки, провокационно заявляет: лишь в том случае «могло бы быть достигнуто улучшение отношений между Финляндией и СССР», если бы советская печать и радио... отобрали внутреннюю и внешнюю политику господствующей клики в Финляндии и ее правительства. Иначе говоря, политику самого Таннера! Так, под провокационным и лживым предлогом якобы «несправедливого отношения» советской общественности к планам Таннера и Фагерхольма эти представители американской партии в Финляндии стремятся погубить диктуемый им курс на втягивание Финляндии в лагерь американского империализма и фашизма.

Итак, Вайне Таннер спешит. Его пугает размах демократического движения в Финляндии, его весьма опасается то место, какое американские империалисты готовы отвести Финляндии в лагерь противников СССР и стран народной демократии.

Но ни для кого теперь не является секретом, что проводимая правящими кругами Финляндии политика возврата к столь милому сердцу Таннера «традиционному курсу» правой социал-демократии уже резко ухудшила внутреннее и внешнее положение Финляндии. В области экономики экспортные поступления американских монополий закрыло для финской индустрии и бумаги рынки западноевропейских стран. Девальвация финской марки, проведенная по американскому диктату, вызвала дальнейшее снижение жизненного уровня трудящихся. Цены на муку и хлеб за последний год увеличились вдвое, квартирная плата возросла на 40 процентов, резко возвысились оплата коммунальных услуг. Безработица достигла угрожающих размеров: каждый второй человек из числа трудящихся, «обливаемых» профсоюзами, не имеет работы! Все это — результат проводимого Фагерхольмом таннеровского курса на включение Финляндии в экономическую систему «плана Маршалла» и в Северо-атлантический блок.

Рабочий класс Финляндии отвечает на эту политику гонимой и подготовкой новой волны массовых забастовок, многочисленными митингами протеста против интриг американских империалистов и провокаций их финских лакеев. Реакция не в состоянии противопоставить мощное движение народного протеста ничего, кроме полицейских дубинок Симонена, армейских автоматов, угроз «финского Кришпа» — Варьонена и истерических выступлений Таннера. Пауганная пролом демократических сил, реакция усиливает террор против финского народа, мобилизует для этой цели армию и организует для «охраны порядка и спокойствия» отряды из заведомых фашистов и шпикеров. Главную ставку правящая верхушка Финляндии делает на присоединение к Атлантическому блоку и превращение страны в американский плацдарм на севере Европы.

Вся эта провокационная политика, принимаемая воплями о необходимости «свести борьбу за демократию», никоим образом не способна обмануть. Многолюдные митинги протеста против деятельности Таннера — Фагерхольма в Хельсинки, Турку, Лахти, Куопио и других городах вновь мобилизируют всему миру готовность финского народа в защите своих истинных интересов. «Мы будем бороться за то, чтобы Финляндия никогда не превратилась в планируемую англо-американскими империалистами плацдарм для антисоветской военной авантюры», — заявил один из руководителей прогрессивного лагеря Аймо Алтонен в Хельсинки на митинге, посвященном памяти расстрелянных в Кеми рабочих.

Если народ обречен в борьбе за мир и хлеб, — таннери бессильны!

Ал. АБРАМОВ

Роман

о честных людях Америки

В своих американских впечатлениях П. Павленко, рассказывая о передовой литературе Америки, по праву гордится именами подлинно прогрессивных писателей, назвав в их числе имя Александра Сакстена. Советскому читателю стоит с ним познакомиться, — это писатель интересный и многообещающий.

Жизненный путь Александра Сакстена, несмотря на его молодость (он только в 1940 году окончил университет), уже свидетельствует о многом, в частности, о том, как трудно приходится радому интеллигенту в современной Америке. С университетским дипломом Сакстену удается добыть кусок хлеба только там, где этот диплом не стоит и цента: чернорабочим на бутылочной фабрике, грузчиком на постройке, стрелочником или пожарным на железной дороге. Радует на военном судне во время второй мировой войны, он по возвращении домой пишет свое первое произведение и приносит в литературу энтузиазм молодости, жизненный опыт труженика и ненависть ко всем и всяческим эксплуататорам человеческого труда.

В прошлом году в Нью-Йорке вышла вторая книга Александра Сакстена «Большая среднезападная железная дорога» — роман о жизни рядового американского рабочего, о росте его классового сознания, о его борьбе за лучшую жизнь. Роман интересен не только темой и социальной направленностью, но и тем, что автор, пожалуй, впервые в американской литературе пытается показать формирование характера революционного рабочего в его развитии, в смене исторических этапов революционного движения США.

1912 год. «Дядюшка» Джениссон и Эдди Снаас безбилетными пассажирами приезжают в пустом товарном вагоне в Чикаго, — так начинается роман Сакстена. Кто такие Эдди и Джениссон? Железнодорожные рабочие, члены анархо-синдикалистской организации «Индустриальные рабочие мира».

Эдди и Джениссон — типичные представители этой организации, со склопностью к бродяжничеству, с отвращением к «оседлости». Но как политически неопытен Эдди, как Джениссон — коммунист.

Дэйв, его судьба, его борьба, его думы и чаяния определяют основную сюжетную линию книги. Композиционно расплывчатый роман Сакстена населен множеством персонажей. Судьбы их развиваются, неизбежно переплетаясь с судьбой основного героя. Железнодорожный рабочий, мечтающий стать инженером, Дэйв в годы кризиса отказывается от своей мечты. В дни гражданской войны в Испании он — боец Интернациональной бригады, а по возвращении — вступает в компартию США, становится коммунистическим организатором и пропагандистом. Сакстен при этом не скрывает никаких оговорок, исключительных обстоятельств для развития характера своего героя; зрелость Эдди — это обычные, рядовые — работа в депо, партийная деятельность, семейная жизнь, помощь бастующим товарищам на соседнем заводе, борьба против реакционного руководства союза. Но в этом обычном течении жизни мужественный и стойкий характер Дэйва — характер коммуниста — раскрывается особенно ярко.

Роман Сакстена — это не только история жизни рабочего, это история формирования характера революционного рабочего в его развитии, в смене исторических этапов революционного движения США.

1912 год. «Дядюшка» Джениссон и Эдди Снаас безбилетными пассажирами приезжают в пустом товарном вагоне в Чикаго, — так начинается роман Сакстена. Кто такие Эдди и Джениссон? Железнодорожные рабочие, члены анархо-синдикалистской организации «Индустриальные рабочие мира».

Эдди и Джениссон — типичные представители этой организации, со склопностью к бродяжничеству, с отвращением к «оседлости». Но как политически неопытен Эдди, как Джениссон — коммунист.

Дэйв, его судьба, его борьба, его думы и чаяния определяют основную сюжетную линию книги. Композиционно расплывчатый роман Сакстена населен множеством персонажей. Судьбы их развиваются, неизбежно переплетаясь с судьбой основного героя. Железнодорожный рабочий, мечтающий стать инженером, Дэйв в годы кризиса отказывается от своей мечты. В дни гражданской войны в Испании он — боец Интернациональной бригады, а по возвращении — вступает в компартию США, становится коммунистическим организатором и пропагандистом. Сакстен при этом не скрывает никаких оговорок, исключительных обстоятельств для развития характера своего героя; зрелость Эдди — это обычные, рядовые — работа в депо, партийная деятельность, семейная жизнь, помощь бастующим товарищам на соседнем заводе, борьба против реакционного руководства союза. Но в этом обычном течении жизни мужественный и стойкий характер Дэйва — характер коммуниста — раскрывается особенно ярко.

Роман Сакстена — это не только история жизни рабочего, это история формирования характера революционного рабочего в его развитии, в смене исторических этапов революционного движения США.

Дальнейшее перерождение Джениссона, показанное в романе с подлинным мастерством социального и психологического анализа, наглядно подтверждает этот вывод. Положение хозяйского лакея, обусловленное званием руководителя местной организации профсоюза вагоностроительных и вагоноремонтных рабочих, страх потерять

тепленькое местечко заставляют Джениссона продавать и предавать интересы своих товарищей каждый раз, когда возникает необходимость в их поддержке и защите. Сакстен правдиво и ярко рисует это положение, его социальные причины и следствия, вскрывая в лице Джениссона одну из язв рабочего движения в США.

Но и Эдди — не тип передового рабочего, с которым могли бы быть связаны надежды и будущее рабочего движения. И это показывает Сакстен, раскрывая в образе Эдди, в развитии этого образа на протяжении трех десятилетий, охватываемых действием романа, идейно-политическую нищету анархо-синдикалистского течения в американском рабочем движении. В новых условиях развития классовых борьбы в США Эдди — не передовой, а, наоборот, политически отсталый рабочий. Массы теперь идут не за такими, как Эдди, а за такими, как Дэйв Снаас, его племянник-коммунист.

Дэйв, его судьба, его борьба, его думы и чаяния определяют основную сюжетную линию книги. Композиционно расплывчатый роман Сакстена населен множеством персонажей. Судьбы их развиваются, неизбежно переплетаясь с судьбой основного героя. Железнодорожный рабочий, мечтающий стать инженером, Дэйв в годы кризиса отказывается от своей мечты. В дни гражданской войны в Испании он — боец Интернациональной бригады, а по возвращении — вступает в компартию США, становится коммунистическим организатором и пропагандистом. Сакстен при этом не скрывает никаких оговорок, исключительных обстоятельств для развития характера своего героя; зрелость Эдди — это обычные, рядовые — работа в депо, партийная деятельность, семейная жизнь, помощь бастующим товарищам на соседнем заводе, борьба против реакционного руководства союза. Но в этом обычном течении жизни мужественный и стойкий характер Дэйва — характер коммуниста — раскрывается особенно ярко.

Роман Сакстена — это не только история жизни рабочего, это история формирования характера революционного рабочего в его развитии, в смене исторических этапов революционного движения США.

Роман Сакстена — это не только история жизни рабочего, это история формирования характера революционного рабочего в его развитии, в смене исторических этапов революционного движения США.

старого Романа Ковяка, сердцем понимающего правду Дэйва, Рада Бронга, смеющегося Джениссона на посту главы заводского профсоюзного комитета. Бронга — не коммунист, но мы верим, что и он станет коммунистом, как стал им Пледжер Мак Адамс. Образ Пледжера — один из наиболее ярких в книге. Рабочий-негр, оскорбляемый и унижаемый труженик, Мак Адамс никогда не теряет человеческого достоинства; ему органически свойственно горькое: «Человек — это звучит гордо», и эту гордость он сохраняет даже в самые тяжелые минуты жизни.

История Мак Адамса составляет вторую, не менее важную сюжетную линию книги. Мы знакомимся с ним в то же время, когда он в форме американского солдата возвращается на родину с фронта первой мировой войны. Гремит музыка, развеваются флаги, мэр Нью-Йорка стоит перед ним, сняв шляпу, а на другое утро на одной из останков поезда, в штате Пеннсилван, его не выпускают в ресторан: «негр не обслуживаем».

Духовный рост рабочего-негра, рост его классового и политического сознания показан в книге с неотразимой убедительностью. Мы видим, как Дэйв помогает этому росту, как медленно, постепенно, но неустанно идет Пледжер к компартии, как становится убежденным, мыслящим, образованным коммунистом. Жизнь его заканчивается трагически: он умирает в больнице, тяжело раненный железнодорожным охранником. Но писатель эту смерть не воспринимает трагически, — она мобилизует людей на борьбу с их классовым врагом, наполняет сердца ненавистью и гневом, приближает завтрашний день Америки — день победы над реакцией.

Молодой американский литератор, честный и талантливый, написал хорошую книгу. Нельзя не оценить ее искренность и простоту, художественную яркость ее образов. Сакстен пишет в традициях американской реалистической прозы конца XIX — начала XX века. Его язык лаконичен, он избегает претенциозных эпитетов

и сравнений. Основное в манере Сакстена — реалистическая простота описаний и пластичность образов. Его герои сразу представляешь себе, — они написаны резко, выгукло, колоритно.

Однако нельзя не заметить и недостатков книги, которые снижают эти достоинства.

Сакстен создал замечательные образы рядовых американских коммунистов, но не сумел показать партию, партийной массы, ее жизни, ее борьбы. Не показана даже низовая партийная организация, в которой состоит Дэйв, — она за пределами книги. А где другие коммунисты в депо, кроме Дэйва и Пледжера, кого еще воспитал Дэйв, каковы результаты его многолетней работы партийного организатора и пропагандиста? Это законные вопросы, которые неизбежно возникают, когда знакомимся с книгой. Единственная партийная организация, мельком показанная в романе, — это небольшая группа, в которую входит жена Дэйва — Стефани.

В образе Стефани, судьба которой почему-то особенно занимает автора, Сакстен, как художник, потерял несомненную неудачу. Стефани — женщина из другой Америки. Истериичка, неизвестно чего ищущая и неизвестно к чему стремящаяся, одержимая то великими непонятными страсти, то порывами столь же непонятного разочарования, она занимает незаконное большое место и в жизни Дэйва, и в романе. Читатель никак не может понять, как именно эта женщина пришла в ряды американских коммунистов.

Несмотря на недостатки, роман Александра Сакстена — серьезное достижение прогрессивной литературы США. Писатель рассказывает о повседневной жизни и борьбе людей, которым принадлежит завтрашний день Америки.